

31877

1905

28.11
20

(8512)

ОТЧЕТЪ КОМИТЕТА

О ВТОРОМЪ

ОЧЕРЕДНОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ ПРЕМІЙ,

УЧРЕЖДЕННЫХЪ ХАРЬКОВСКИМЪ ЗЕМЕЛЬНЫМЪ БАНКОМЪ

ВЪ ПАМЯТЬ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЯ ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

Приложенія:

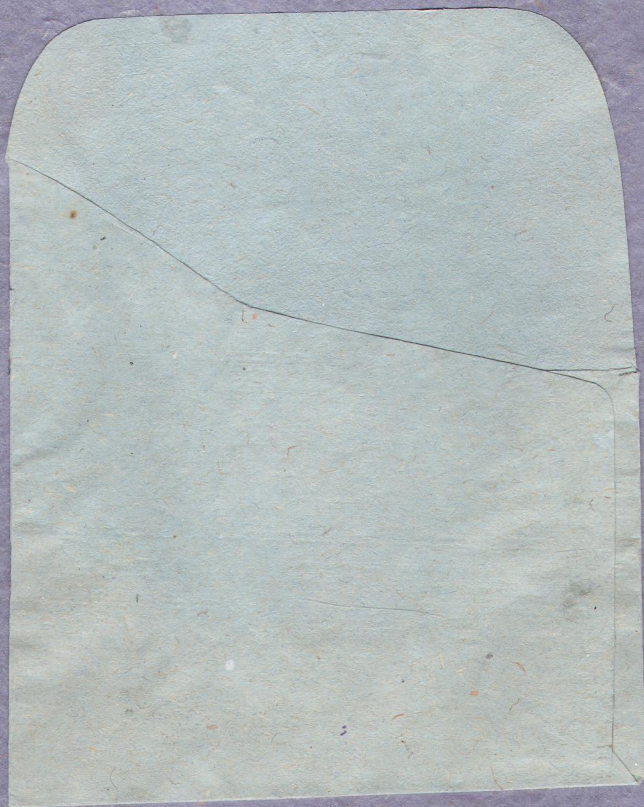
рецензіи М. М. Ковалевскаго, В. Ф. Миткего, Г. Н. Шмелева и
И. П. Бѣлоконскаго.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарга, Московская ул. № 19.

1901.

2484(2)711[5]
4448. 4(44KP)70813

778/3

99

~~28. IV~~
~~20.~~
~~VHS~~

~~1903~~
~~1904~~

1934

31877

ОТЧЕТЪ КОМИТЕТА

О ВТОРОМЪ

ОЧЕРЕДНОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ,

УЧРЕЖДЕННЫХЪ ХАРЬКОВСКИМЪ ЗЕМЕЛЬНЫМЪ БАНКОМЪ

ВЪ ПАМЯТЬ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЯ ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

Приложенія:

рецензій М. М. Ковалевскаго, В. Ф. Левитскаго, Г. Н. Шмелева и
И. П. Бѣлоконскаго.

9

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарре, Московская ул., № 19.

1901.

9058 08

На основаніи ст. 41, § 1, п. 4 и ст. 138 Унив. Уст. выпустить въ свѣтъ разрѣ-
шается. 26 Апрѣля 1901 года.

Ректоръ Университета *Г. Лагермаркъ.*

Въ теченіе трехлѣтія, со времени перваго присужденія премій 19-го Февраля 1898 года и до 19-го 1901 года, въ составѣ постояннаго Комитета по присужденію премій произошли слѣдующія перемѣны. Изъ Комитета выбылъ ректоръ Императорскаго Харьковскаго Университета, заслуженный профессоръ по кафедрѣ финансоваго права М. М. Алексѣенко, назначенный попечителемъ Казанскаго учебнаго округа и профессоръ гражданскаго права Л. А. Кассо, вслѣдствіе перехода его въ Императорскій Московскій Университетъ. На мѣсто М. М. Алексѣенко въ составъ Комитета, согласно § 7 положенія о названныхъ преміяхъ, вошелъ приватъ-доцентъ по кафедрѣ финансоваго права, магистръ финансоваго права П. П. Мигулинъ, а на мѣсто Л. А. Кассо приватъ-доцентъ по кафедрѣ гражданскаго права, магистръ гражданскаго права, Н. А. Гредескулъ. Выбылъ также изъ Комитета проф. по кафедрѣ технической химіи В. Θ. Тимоѣевъ, назначенный профессоромъ Киевскаго Политехникума и, вслѣдствіе того, что кафедра технической химіи въ Харьковскомъ Университетѣ остается неза-мѣщенной, въ Комитетѣ пока не имѣется представителя этой кафедры. Кромѣ того умеръ членъ Комитета, заслуженный профессоръ по кафедрѣ политической экономіи и статистики, Г. М. Цѣхановецкій. Такъ какъ преподаваніе политической экономіи и статистики въ Харьковскомъ Университетѣ совмѣщено въ одной кафедрѣ, то представительство по этой кафедрѣ въ Комитетѣ перешло къ бывшему уже въ составѣ Комитета представителю статистики, проф. И. Н. Миклашевскому. 16-го Декабря 1898 года истекалъ срокъ трехлѣтію пребыванія въ званіи предсѣдателя Комитета В. Ф. Левитскаго; въ виду этого, въ засѣданіи Комитета 9-го Декабря 1898 года былъ произведенъ выборъ предсѣдателя, при чемъ В. Ф. Левитскій единогласно закрытою баллотировкою былъ избранъ на слѣдующее трехлѣтіе.

Послѣ перваго присужденія премій, имѣвшаго мѣсто въ Февралѣ 1898 года, слѣдующее очередное присужденіе премій (согласно § 23 положенія) должно было состояться въ Февралѣ 1901 года, а срокъ для представленія сочиненій на соисканіе премій истекалъ къ 19-му Февраля 1900 года. Въ виду этого Комитетомъ была сдѣлана публикація въ мѣстной и столичной прессѣ, а также были разосланы въ уѣздныя и губернскія земскія управы раіона дѣятельности Харьковскаго Земельнаго Банка печатныя объявленія о срокахъ представленія сочиненій для очереднаго присужденія премій и объ общихъ условіяхъ, которымъ должны

отвѣчать сочиненія, представленныя для соисканія премій. Къ 19-му Февраля 1900 года въ Комитетъ поступили для соисканія премій сочиненія шести авторовъ. Изъ нихъ одно сочиненіе, по предварительномъ разсмотрѣніи его Комитетомъ, признано не отвѣчающимъ общимъ условіямъ положенія о преміяхъ (§ 4, 5, 13) и потому не было допущено къ соисканію премій и одно сочиненіе взято авторомъ его обратно.

Для специальной оцѣнки сочиненій остальныхъ четырехъ авторовъ Комитетъ избралъ четырехъ рецензентовъ. При этомъ профессору и члену корреспонденту Академіи Наукъ М. М. Ковалевскому было поручено составленіе рецензіи на сочиненіе г. О. О. Лашкова—«Историческій очеркъ Крымско-татарскаго землевладѣнія, съ приложеніемъ сборника документовъ по исторіи крымско-татарскаго землевладѣнія, Симферополь 1897 г.», профессору В. Ф. Левитскому поручено составленіе рецензіи на соч. А. А. Русова—«Описаніе Черниговской губерніи, въ двухъ томахъ 1899 г., изданіе Черниговскаго Губернскаго Земства», помощнику редактора изданій Архива Министерства Юстиціи въ Москвѣ Г. Н. Шмелеву поручено рецензированіе сочиненія Н. А. Благовѣщенскаго «Четвертное право, Курскъ, 1899 г.» и И. П. Бѣлоконскому—рецензированіе десяти слѣдующихъ сочиненій Н. Н. Борисова, представленныхъ для соисканія премій: 1) Статистическое обозрѣніе поселковъ изъ безземельныхъ разнаго званія людей, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ Александрійскаго уѣзда на основаніи узаконеній 10 Юля 1881 г. и 17 Февраля 1884 г., 1898 г. 2) Состояніе землевладѣнія въ Александрійскомъ уѣздѣ въ эпоху генеральнаго межеванія, 1898 г. 3) Приложенія къ предыдущей работѣ: Алфавитъ дачамъ генеральнаго межеванія Александрійскаго уѣзда. 4) Движеніе населенія въ Александрійскомъ уѣздѣ въ 1886—1895 г. 5) Вывозъ хлѣбныхъ грузовъ изъ Александрійскаго уѣзда 1882—1895 г. по Харьковско-Николаевской жел. д., 1898 г. 6) Опытъ изученія конокрадства въ Херсонской губ., 1897 г. 7) Продолжительность курса въ одноклассныхъ земскихъ школахъ Херсонской губ., 1897 г. 8) Приложеніе къ предыдущей работѣ: Результаты выпускныхъ испытаній въ одноклассныхъ земскихъ школахъ Херсонской губерніи 1897 года. 9) Перепись учащихся въ одноклассныхъ сельскихъ школахъ Александрійскаго уѣзда 1898 года. 10) Къ вопросу о вліяніи занятія экономическаго положенія и грамотности сельскаго населенія на нѣкоторыя стороны начальнаго народнаго образованія, 1899 г.

Въ засѣданіяхъ 7-го и 14-го Февраля, послѣ прочтенія рецензій М. М. Ковалевскаго, В. Ф. Левитскаго, Г. Н. Шмелева и И. П. Бѣлоконскаго и критическаго обсужденія достоинствъ сочиненій, представленныхъ для соисканія премій, Комитетъ единогласно присудилъ О. О. Лашкову, А. А. Русову, Н. А. Благовѣщенскому и Н. Н. Борисову за выше названныя ихъ сочиненія преміи по 500 рублей каждому, а рецензентамъ, согласно § 17 положенія о преміяхъ, назначилъ золотыя медали. Въ теченіе истекшаго трехлѣтія Комитетъ имѣлъ семь засѣданій.

Отчетъ о расходованіи суммъ Комитетомъ за трехлѣтіе съ 19-го Февраля 1898 года до 19-го Февраля 1901 года.

Послѣ перваго присужденія премій къ 19 Февраля 1898 года капиталъ для выдачи премій составлялъ сумму въ 29,006 рублей 16 коп. Къ 1-му Января 1901 года онъ возросъ до 33,001 рубля 23 коп., изъ которыхъ 26,700 рублей помѣщены въ $4\frac{1}{2}\%$ облигаціяхъ внутренняго займа 1893 года, 2,400 руб. въ бумагахъ государственной 4% ренты и 3,901 руб. 23 коп., образовавшіеся изъ процентовъ за истекшее трехлѣтіе, находились въ наличныхъ деньгахъ.

Изъ этой суммы Комитетомъ, согласно постановленіямъ его, послѣдовавшимъ въ засѣданіяхъ отъ 7-го и 14-го Марта 1901 г., израсходовано на выдачу премій четыремъ выше названнымъ авторамъ по 500 руб. каждому—всего 2000 руб., на вознагражденіе рецензентовъ золотыми медалями 400 руб., на печатаніе настоящаго отчета о дѣйствіяхъ Комитета и рецензій съ отдѣльными оттисками ихъ для рецензентовъ 250 рублей¹⁾. Кромѣ того на публикаціи, почтовые расходы и дѣлопроизводство израсходовано 100 рублей, взятыхъ авансомъ изъ капитала еще въ 1899 году и которые поэтому въ счетъ расходовъ не подлежатъ уже вычету изъ суммы капитала, образовавшагося къ 1-му Января 1901 года. Итакъ теперь капиталъ для выдачи премій, за вычетомъ произведенныхъ послѣ 1-го Января 1901 года расходовъ, достигаетъ 30,351 руб. 23 коп., или съ 19-го Февраля 1898 года до настоящаго времени онъ увеличился на 1,345 руб. 07 коп., а сравнительно съ первоначальною суммою, пожертвованною Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ (26,700 руб.), онъ возросъ на 3,651 руб. 23 коп. Это значительное приращеніе капитала произошло отъ сравнительно меньшаго расходованія суммъ, противъ нормъ указанныхъ въ § 23 положенія о преміяхъ, на ежегодныя публикаціи, канцелярскіе расходы, на выдачу медалей рецензентамъ. Самая сумма, предназначенная для выдачи премій въ 2,000 рублей была выдана полностью только при второмъ очередномъ присужденіи премій; при первомъ же присужденіи премій было выдано двумъ авторамъ въ видѣ премій

¹⁾ Цыфра эта приблизительная, такъ какъ счетъ расходовъ по этой статьѣ еще не представленъ типографіей.

1,500 руб., т. е. тогда получилось сбереженіе въ 500 рублей. Обусловливаемое указанными причинами увеличеніе капитала дѣлаетъ пока незамѣтнымъ вліяніе пониженія процентовъ на ту часть суммы, которая помѣщена въ государственной 4% рентѣ, противъ 4½% нормы приращенія, принятой въ § 23 положенія о преміяхъ.

Что касается назначенія суммъ, получаемыхъ отъ приращенія первоначальнаго капитала въ 26,700 рублей, пожертвованнаго Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ, то, согласно § 26 положенія, они должны поступать на приобрѣтеніе процентныхъ бумагъ для увеличенія первой преміи до 1,500 рублей, второй до 750 рублей и затѣмъ на учрежденіе новыхъ премій въ 500 рублей.

30 Марта 1901 года.

Предсѣдатель Комитета *В. Левитскій.*

Члены Комитета

{ *Дм. Багалъй.*
А. Зайкевичъ.
Ник. Гредескулъ
А. Красновъ.
П. Мигулинъ.
Ир. Скворцовъ.

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ.

Проф., членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ.

Разборъ книги **Ө. Лашкова «Историческій очеркъ Крымско-татарскаго землевладѣнія».**

Сборникъ документовъ по исторіи Крымско-татарскаго землевладѣнія.

Симферополь, 1897 г.

Книга г-на Лашкова призвана занять видное мѣсто въ ряду сочиненій, или непосредственно обнародованныхъ при участіи нашихъ земствъ, или составленныхъ на основаніи изданнаго ими статистическаго и историческаго матеріала. Если за послѣднюю четверть вѣка значительно подвинулось изученіе областныхъ особенностей русскаго землевладѣнія и сельскаго быта, какъ и русской домашней и кустарной промышленности, то этимъ мы непосредственно обязаны нашимъ земскимъ статистикамъ и тѣмъ значительнымъ денежнымъ пожертвованіямъ, какихъ потребовала та разносторонняя и научно поставленная анкета, которой, благодаря имъ, подверглись разнообразнѣйшія стороны нашего экономическаго и общественнаго строя. Мы не только узнали въ ея малѣйшихъ подробностяхъ организацію мірскаго землевладѣнія Великороссіи и тѣ отклоненія отъ главнаго типа мірской собственности, какія встрѣчаются у малоруссовъ и бѣлоруссовъ, въ казачьихъ общинахъ на Дону и на Кавказѣ; передъ нами выступилъ также впервые дотошъ совершенно неизвѣстный порядокъ захватнаго пользованія, еще весьма распространеннаго въ Сибири, и четвертнаго землевладѣнія нашихъ внутреннихъ губерній; не забудемъ также того, что никому въ большей мѣрѣ, какъ земскимъ статистикамъ, мы не обязаны ознакомленіемъ съ чиншевыми порядками земельного пользованія, столь близкими къ средневѣковой цензивѣ и проливающимися, такимъ образомъ, нѣкоторый свѣтъ на территоріальное распространеніе феодальныхъ порядковъ въ предѣлахъ не только Польши, но и всего Западнаго края. До послѣдняго времени оставалось неизученнымъ только одно изъ тѣхъ многочисленныхъ воздѣйствій, какое должно было испытать на себѣ русское земельное право, благодаря самой пестротѣ племенныхъ и религіозныхъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ нашего отечества. Въ то время, какъ, благодаря почину полтавскаго земства и той обработкѣ обнародо-

ваннаго имъ статистическаго матеріала, какую взялъ на себя профессоръ Лучицкій, вліяніе Литовскаго статута и сябрянаго землевладѣнія на дальнѣйшій ростъ малорусской общины, получило недостававшее ему освѣщеніе, а на Кавказѣ, изданіе законовъ Вахтанга выясняло многія особенности державшихся въ Грузіи феодальныхъ формъ наслѣдственной аренды, роль родовыхъ порядковъ, болѣе или менѣе удержавшихся въ средѣ крымскихъ татаръ, и дѣйствовавшего между ними до русскаго владычества магометанскаго законодательства, оставляема была въ тѣни, отчасти подъ вліяніемъ того преувеличеннаго представленія о недостаткѣ прямыхъ источниковъ, которое невольно вызывалъ въ умѣ самый фактъ истребленія пожаромъ Бахчисарайскаго архива. Этотъ существенный пробѣлъ и пополняетъ изданная при участіи Таврическаго земства книга г-на Лашкова. Автору удалось собрать обширный матеріалъ по исторіи крымско-татарскаго землевладѣнія; онъ отпечатанъ во второй половинѣ его сочиненія, заключающей въ себѣ цѣлыхъ 310 страницъ. Въ составъ этого матеріала вошли ярлыки и фирманы крымскихъ хановъ въ русскомъ переводѣ Муратъ-Бея Біярсланова и проф. петербургскаго университета В. Д. Смирнова, судейскія рѣшенія, дефтеры и въ несравненно большемъ числѣ ордеры и вѣдомости русскихъ администраторовъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, а также тѣхъ различныхъ комиссій, которымъ пришлось опредѣлять порядки крымскаго землевладѣнія въ моментъ перехода таврическаго полуострова подъ владычество русской державы. На основаніи всѣхъ этихъ источниковъ, а также общей литературы по исторіи татаръ вообще и крымскихъ, въ частности, г-нъ Лашковъ и составилъ свой историческій очеркъ. Не будучи первой попыткой освѣщенія крымско-татарскаго землевладѣнія¹⁾, сочиненіе г-на Лашкова настолько превосходитъ обиліемъ собранныхъ данныхъ все до-сѣль появлявшееся въ печати по тому же вопросу, что мы въ правѣ будемъ сказать, что оно впервые дало ему вполне научную постановку. Вопросъ о крымскомъ землевладѣніи, помимо историческаго его значенія, не лишенъ и практическаго интереса. Сплошь и рядомъ возникали и возникаютъ еще споры о томъ, на какихъ началахъ, частнаго, общиннаго или доманіальнаго землевладѣнія, держали тотъ или другой участокъ въ моментъ присоединенія Крыма лица, отъ которыхъ теперешніе собственники или ихъ предки получили его путемъ ли наслѣдованія или покупки.

¹⁾ Первый опытъ сдѣланъ былъ г-номъ Блюменфельдомъ въ 1888 году подъ заглавіемъ „Крымско-татарское землевладѣніе“. Надо сказать, однако, что появленію этого труда предшествовало чтеніе г-номъ Лашковымъ реферата на Одесскомъ археологическомъ съѣздѣ въ 1884 г. по вопросу о „Землевладѣніи въ Крыму до и послѣ присоединенія его къ Россіи“, а также обнародованіе тѣмъ же авторомъ особой монографіи „Сельское общество въ крымскомъ ханствѣ“. Это обстоятельство позволяетъ намъ считать никого другого, какъ г-на Лашкова, инициаторомъ въ дѣлѣ изученія земельныхъ порядковъ въ Крыму.

И теперь не разъ заходитъ рѣчь о томъ, что вошедшій въ составъ того или другаго помѣстья кусокъ неотчуждаемаго по своей природѣ церковнаго землевладѣнія, или заповѣднаго семейнаго имущества, не могъ подвергнуться продажѣ и долженъ поэтому быть возвращенъ къ прежнему своему назначенію. Не мудрено поэтому, если таврическое земство признало нужнымъ сдѣлать значительное денежное пожертвованіе для обнародованія, какъ матеріаловъ, собранныхъ господиномъ Лашковымъ, такъ и его изслѣдованія. Предсѣдатель Таврической губернской управы, г-нъ Стевень, очевидно, имѣлъ въ виду, что при возникновеніи новыхъ споровъ, касательно собственности, пользованія или владѣнія въ предѣлахъ Крыма, судьямъ и сторонамъ не разъ придется заглянуть въ книгу г-на Лашкова, для выясненія тѣхъ или другихъ темныхъ сторонъ процесса. Но если разбираемое сочиненіе способно принести, такимъ образомъ, существенную пользу юристамъ-практикамъ, то не меньшее значеніе имѣетъ оно и для историковъ права. Г-нъ Лашковъ весьма удачно отмѣчаетъ тѣ разнообразныя элементы, изъ которыхъ сложился строй крымскаго землевладѣнія. Онъ показываетъ намъ, въ какой мѣрѣ родовыя порядки, особенно упорно державшіеся при пастушескомъ бытѣ и потому вообще свойственныя татарамъ, какъ въ ихъ первоначальной родинѣ, такъ и въ отдѣльных мѣстахъ поселенія по теченію Волги и въ Крыму, наложили свой отпечатокъ на характеръ таврической сельской общины и на природу того юридическаго обычая или торэ, который не удалось вытѣснить вполне писанному закону магометанъ, или такъ называемому шеріату. Эта сторона въ трудѣ г-на Лашкова заслуживаетъ на мой взглядъ особеннаго вниманія. Своими аналогіями съ родовыми порядками, нѣкогда державшимися на Западѣ Европы и всего нагляднѣе выступающими въ древнемъ законодательствѣ кельтовъ, крымское обычное право въ томъ изложеніи, которое даетъ ему г-нъ Лашковъ, призвано пролить новый свѣтъ на общій характеръ этой предшествующей государству и долгое время державшейся подъ его покровомъ формы общественнаго уклада. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не остановиться съ интересомъ передъ фактомъ наслѣдованія правъ главенства и представительства рода не сыномъ прежняго начальника, а старшимъ лицомъ его семьи, обыкновенно братомъ, и какъ не увидѣть въ немъ прямой аналогіи съ тѣмъ обычаемъ *tanistry*, который въ формѣ наслѣдованія въ родовомъ имуществѣ не сына, а брата, продолжалъ держаться въ Ирландіи еще во времена Елизаветы и Іакова I, а въ Россіи, столѣтіями ранѣе, служилъ основою наслѣдованія великокняжескаго стола и яблокомъ раздора при замѣщеніи отдѣльных княженій, въ виду все рѣзче и рѣзче сказывавшейся возможности противоставить ему авторитетъ народнаго выбора. Если имѣть въ виду, что обычаю наслѣдованія родоваго имущества старшимъ братомъ предшествовали во всемъ кельтическомъ мірѣ, въ частности въ графствѣ Уэльскомъ и въ Ирландіи, порядки нераздѣльнаго владѣнія и стадами, и землею, со

стороны цѣлыхъ клановъ и постепенно обособившихся въ ихъ средѣ обширныхъ очаговъ, члены которыхъ вели хозяйство сообща, то нетрудно будетъ понять ту связь, какую обычай *tanistry* имѣетъ съ организаціей древне-кельтическихъ родовъ и державшимся у нихъ порядкомъ наслѣдованія должности вождя старшимъ въ родѣ. Отмѣтимъ еще аналогію между обычаемъ, по которому усадьба, при раздѣлившейся при жизни отца семьи, переходитъ къ младшему изъ ея членовъ у многихъ кочевниковъ центральной Азіи, въ частности у монголовъ, и порядками миноратнаго наслѣдованія, доселѣ не вполне исчезнувшего въ быту крестьянъ Берна и подъ именемъ *borough english* извѣстнаго городскому населенію Англіи еще во второй половинѣ среднихъ вѣковъ. Отмѣчаю эти параллели, чтобы показать, какое значеніе для сравнительной исторіи права имѣютъ даже тѣ отрывочныя свѣдѣнія, какія, за неимѣніемъ болѣе обширнаго матеріала, г-нъ Лашковъ даетъ намъ о родовыхъ порядкахъ монголовъ вообще, татаръ чингизъ-хановой орды и крымскихъ, въ частности. При этомъ онъ пользуется въ значительной степени не только общими историческими сочиненіями о монголахъ, но и тѣмъ единственнымъ въ своемъ родѣ источникомъ, какой представляетъ обнародованный проф. Леонтовичемъ Ойратскій уставъ 1640 года, многія постановленія котораго восходятъ къ эпохѣ Золотой Орды и до-селѣ продолжаютъ держаться въ средѣ калмыковъ¹⁾.

Родовые порядки подверглись въ Крыму въ гораздо большей степени, чѣмъ на Кавказѣ, не только видоизмѣненію, но и совершенной отмѣнѣ подъ вліяніемъ писаннаго права магометанъ, или такъ называемаго шеріата. Вотъ почему, небезинтересно было отмѣтить то немногое, что итальянскіе путешественники, Рубрукъ и Плано-Карпини, говорятъ объ общественныхъ порядкахъ и землевладѣніи Крыма въ эпоху, предшествовавшую образованію ханства и торжеству Ислама, а также то, что содержать въ себѣ на этотъ счетъ уставы генуэзскихъ колоній, нѣкогда распространенныхъ на полуостровѣ и имѣвшихъ своимъ главнымъ представителемъ Кафу. Благодаря работамъ господъ Мурзакевича и Юргевича, мы ознакомлены съ этими послѣдними источниками, такъ что г-ну Лашкову представилась полная возможность отмѣтить, какъ самостоятельный элементъ, вошедшій въ образованіе крымскаго землевладѣнія, тѣ порядки нераздѣльнаго пользованія, если не пахатной землею, то сѣнокосами, о которыхъ говорится въ уставѣ генуэзскихъ колоній 1449 г.²⁾ Не могу не пожалѣть о томъ, что г-нъ Лашковъ не воспользовался своими источниками по вопросу объ итальянскихъ колоніяхъ нѣкоторыми новѣйшими сочиненіями, и, между прочимъ, трудами Каналэ по исторіи Генуи вообще, а также по исторіи ея торговли, навигаціи и заморскихъ посе-

¹⁾ Смотри Къ исторіи права русскихъ инородцевъ, калмыцкое право. 1880.

²⁾ Смотри стр. 23 разбираемаго мною сочиненія.

лений. Итальянскіе архивы вообще содержатъ въ себѣ много цѣнныхъ и до сихъ поръ не вполне обнародованныхъ данныхъ о колоніяхъ, основанныхъ, какъ Генуей, такъ и Венеціей, въ Левантѣ, въ Пелопонезѣ, въ Крыму и Южной Россіи. Укажу мимоходомъ на то обстоятельство, что исторія Таны, или древняго Азова, могла бы быть, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, восстановлена на основаніи данныхъ, хранящихся въ архивѣ Фрагі, въ Венеціи, тогда какъ въ Генуѣ всѣ относящіяся къ ней документы исчезли, повидимому, безслѣдно, благодаря не разъ повторявшимся пожарамъ.

Значительную часть перваго и наиболѣе обширнаго отдѣла своего изслѣдованія г-нъ Лашковъ посвящаетъ вопросу о вліяніи Ислама и мусульманскаго законодательства на установленіе порядковъ собственности и пользованія въ предѣлахъ Крыма. Это вліяніе должно было быть рѣшающимъ, уже потому, что, какъ видно изъ сообщеній итальянскаго путешественника Иосафато Барбаро, отъ первой половины XV вѣка, татары, занимаясь главнымъ образомъ скотоводствомъ, придерживались еще тѣхъ самыхъ бродячихъ порядковъ землевладѣнія, при которыхъ посѣвъ проса и пшеницы продолжается изъ года въ годъ до времени истощенія почвы, послѣ чего колонисты переходятъ на новыя мѣста поселенія. Это—тѣ самые порядки, какіе Тацитъ описалъ намъ у древнихъ германцевъ, говоря *arva per annos mutant et superest ager*, т. е. мѣняютъ пашни по годамъ, а свободнаго поля остается не мало. Нашему сѣверному хозяйству, какъ и хозяйству степному, извѣстна или еще недавно была извѣстна, такая форма пользованія, подъ именемъ—то подсѣчной, то переложной. Очевидно, что съ нею не примиримо еще точное установленіе границъ, точное опредѣленіе правъ каждаго на землю. При такихъ условіяхъ распространеніе вполне выработанной и при томъ снабженной религіознымъ авторитетомъ юридической системы мусульманскаго права, должно было сразу измѣнить самыя основы организаціи крымскаго землевладѣнія. Я не могу не пожалѣть о томъ, что г-нъ Лашковъ не остановился болѣе подробно на изученіи тѣхъ двухъ важнѣйшихъ сводовъ Ханефитскаго толка, на которыхъ построены были въ значительной мѣрѣ крымскіе земельные порядки. Онъ самъ говоритъ намъ, что пользовался скорѣе извлеченіями изъ Мультеки и Гедаи, нежели самими этими источниками. Особенно мало знакомъ ему послѣдній изъ названныхъ двухъ сводовъ, который онъ цитируетъ только на основаніи выдержекъ, дѣлаемыхъ Вормсомъ въ извѣстной монографіи «*Recherches sur la constitution de la propriété territoriale dans les pays musulmans*», отъ 1846 г. Не проще ли было бы обратиться къ самому источнику, сдѣлавшемуся доступнымъ европейскимъ читателямъ еще съ прошлаго вѣка, благодаря англійскому переводу Гамильтона. Это казалось бы мнѣ тѣмъ болѣе необходимымъ, что Мультека, на которую почти исключительно ссылается г-нъ Лашковъ, заключаетъ въ себѣ сравнительно мало

юридическихъ нормъ въ строгомъ смыслѣ слова и болѣе занята изложе-
ніемъ религіознаго законодательства мусульманъ, тогда какъ въ Гедаѣ
однихъ постановленій свѣтскаго характера хватило бы на цѣлыхъ четыре
тома in quarto гамильтоновскаго изданія, не смотря на то, что въ немъ
опущены всѣ постановленія чисто религіознаго характера, напр. о постѣ,
милостынѣ и молитвѣ. Непосредственное знакомство съ Гедаей имѣло бы
для г-на Лашкова еще то значеніе, что ввело бы его въ кругъ тѣхъ
разнорѣчій, какія нерѣдко по основнымъ вопросамъ права раздѣляютъ
мусульманскихъ законовѣдовъ, принадлежащихъ даже къ одной и той же
школѣ Абу-Ханифа. Такъ какъ во многомъ крымское землевладѣніе пред-
ставляетъ особенности отъ юридическихъ порядковъ, упрочившихся въ
другихъ частяхъ магометанскаго міра, то невольно возникаетъ въ умѣ
вопросъ, — не вызваны ли эти особенности торжествомъ частныхъ воззрѣ-
ній того или другого законовѣда? Укажу для примѣра хотя бы на слѣ-
дующее: подобно другимъ законодательствамъ, мусульманское право допу-
скаетъ частное присвоеніе пустопорожныхъ земель подъ условіемъ ихъ
обработки, но тогда какъ въ индусскихъ сводахъ, также позволяющихъ
такую апроприацію, пятилѣтній перерывъ въ утилизациі почвы счи-
тается достаточнымъ основаніемъ къ потерѣ на нее правъ собственности
первымъ заимщикомъ, мусульманскіе законовѣды сокращаютъ этотъ срокъ
до трехъ лѣтъ, по всей вѣроятности, въ соотвѣтствіи и примѣнительно
къ упрочившемуся постепенно порядку трехгодичнаго сѣвооборота; но тѣ
и другіе въ равной степени расходятся между собою по вопросу о томъ,
въ какой мѣрѣ заимка пустопорожныхъ земель можетъ вести къ устано-
вленію на нихъ права собственности и помимо освященія согласіемъ и
даже прямымъ разрѣшеніемъ, въ Индіи — мѣстнаго раджи, въ мусульман-
скомъ мірѣ — мѣстнаго имама. Вотъ въ какомъ видѣ эти разнорѣчія изла-
гаются Гедаей: въ 45 главѣ, посвященной вопросу о такъ называемыхъ
mewat, или земляхъ, никому не принадлежащихъ, изложивши свой соб-
ственный взглядъ, по которому всякій занявшій пустопорожній участокъ
съ согласія начальника и подъ условіемъ фактической обработки, ста-
новится его законнымъ собственникомъ, составитель свода, или точнѣе
руководства, Шейхъ-Урганъ Аддинъ-Али, юристъ первой половины
XIII вѣка (VI Геджиръ), приводитъ мнѣніе, какъ основателя школы Хане-
фитовъ, такъ и двухъ важнѣйшихъ учениковъ и послѣдователей Абу-
Ханифа, Абу-Юсуфа и Магамета. Они расходятся съ учителемъ въ основ-
номъ вопросѣ о томъ, — ведетъ ли одно хозяйственное занятіе пусто-
порожной земли къ установленію права собственности или нѣтъ. По
мнѣнію Абу-Ханифа необходимо еще согласіе имама. Наоборотъ, по мнѣ-
нію двухъ другихъ упомянутыхъ законовѣдовъ, такое согласіе не является
необходимымъ условіемъ. Составитель Гедаи приводитъ и основаніе, на
которомъ опираются эти противорѣчивыя ученія. Абу-Юсуфъ и Магаметь
приводятъ въ подтвержденіе своего взгляда, во первыхъ — изреченіе про-

рока «Кто воздѣлываетъ пустопорожную землю, тѣмъ самымъ приобретаетъ на нее право собственности», а во вторыхъ—то соображеніе, что пустопорожная земля составляетъ общее достояніе и не можетъ быть уподоблена поэтому подлежащей частному присвоенію дичи или растущему на свободѣ лѣсу (оба предмета, какъ мы увидимъ ниже, не считаются мусульманскими законовѣдами объектами частной собственности). Въ свою очередь, Абу-Ханифа доказываетъ необходимость предварительнаго разрѣшенія имама для обращенія заимки въ собственность и текстами Суннѣ или приписанныхъ Магамету изреченій, и разсужденіями общаго характера, и юридическими аналогіями. Пророкъ сказалъ однажды: «Ничто недозволено кромѣ того, что разрѣшено имамомъ». Съ другой стороны, что представляютъ собою пустопорожныя земли, какъ не добычу, доставшуюся мусульманамъ въ силу завоеванія? А если такъ, то никто не можетъ приобрести собственности на нихъ, безъ согласія имама, какъ нельзя, помимо такого согласія, получить доступа къ военной добычѣ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ мусульманскихъ странахъ, въ частности въ Турціи, восторжествовало ученіе Абу-Ханифа; требуется поэтому разрѣшеніе агента казны для обращенія въ собственность такъ называемыхъ «мертвыхъ земель» или *mewat*²⁾. Въ другихъ, наоборотъ, взяло вверхъ ученіе Абу-Юсуфа и Магамета. Въ числѣ ихъ, какъ я полагаю, надо поставить и Крымъ, въ которомъ, какъ слѣдуетъ изъ документовъ, приводимыхъ самимъ же г-номъ Лашковымъ, не видно, чтобы разрѣшеніе хана было необходимо для приобрѣтенія права собственности въ предѣлахъ пустопорожныхъ земель. Въ этомъ отношеніи мы расходимся съ мнѣніемъ автора разбираемаго нами сочиненія, который, повидимому, считаетъ *mewat* или «мертвую землю» состоящей въ верховномъ обладаніи государя, т. е., въ данномъ случаѣ, хана. Этотъ послѣдній порядокъ, по всей вѣроятности, упрочился въ Крыму только съ момента его подчиненія Турціи и всего на протяженіи южнаго берега, вошедшаго въ составъ доменовъ турецкаго султана. Чтобы тѣ же отношенія установились въ Крыму съ самаго начала, въ этомъ позволено сомнѣваться. Уже одно то обстоятельство, что, какъ видно изъ сообщенія г-на Лашкова, въ предѣлахъ ханскихъ владѣній мы находимъ загорожи поселянъ, разсѣянные чрезполосно и составляющія частную собственность, вызываетъ въ умѣ скорѣе представленіе о чемъ то аналогичномъ съ украинскимъ старозаимочнымъ землевладѣніемъ, не нуждавшимся въ санкціонированіи его свыше, нежели о собственности, имѣющей источникомъ государственное пожалованіе. Съ этимъ разномысліемъ связано у меня и другое. Я не думаю, подобно господину Лашкову, чтобы *икта* или пожалованія хана,

1) The Hedaya, transl. by Hamilton, томъ IV, стр. 129.

2) См. Rougon: Du régime de la propriété immobilière en Turquie, стр. 27 и Кодексъ земельныхъ законовъ турокъ въ англійскомъ переводѣ Ongley.

касались однѣхъ пустопорожнихъ земель. Въ моихъ глазахъ, эти мусульманскіе бенефиціи, въ той же мѣрѣ, какъ и пожалованія меровингскихъ и карловингскихъ правителей, доставляли возможность пожизненнаго извлеченія дохода изъ поступленій отъ крестьянъ, какъ натуральныхъ, такъ и денежныхъ. Я показалъ въ моемъ изслѣдованіи объ общинномъ землевладѣніи въ Индіи, что такова была именно природа «икта» въ этой странѣ, въ которой, какъ и въ Крыму, дѣйствовало ханефитское право и пользовался широкимъ распространеніемъ такъ часто упоминаемый нами сборникъ Гедая. Мнѣ трудно, впрочемъ, и объяснить себѣ возможность вознагражденія за службу земельными пожалованіями иначе, какъ подъ условіемъ, что идущіе въ надѣлъ участки, были участками населенными, могли поэтому доставить постоянный и уже существующій доходъ. Вотъ почему Карлъ Мартель на западѣ раздавалъ своимъ военнымъ сподвижникамъ населенныя имѣнія монастырей и почему жалуемыя московскими царями помѣстія также не состояли изъ однихъ пустырей.

Различіе, которое мы стараемся установить, далеко не лишено практическаго значенія. Когда возникло въ Крыму русское владычество, вновь появившіеся въ краѣ помѣщики не хотѣли признавать правъ собственности на участки, занятые тѣмъ или другимъ дворомъ въ предѣлахъ пожалованныхъ имъ имѣній, на томъ основаніи, что на это владѣніе не могло быть предъявлено документовъ. Правительству пришлось считаться также съ недовольствомъ татаръ, населявшихъ тѣ или другія мурзинскія или ханскія земли, подъ условіемъ платежа одной десятины ихъ собственникамъ, а теперь принуждаемыхъ новыми помѣщиками къ несенію барщины и крѣпостныхъ взносовъ на томъ яко-бы основаніи, что земля не можетъ принадлежать въ предѣлахъ дворянскихъ имѣній никому иначе, какъ на началѣ крѣпостнаго владѣнія. Что лежало въ основаніи заявленныхъ пришлыми собственниками претензій, какъ не то представленіе, что всякая заимка законна лишь подъ условіемъ утвержденія ея начальствомъ и что то же начальство не можетъ одновременно создавать помѣстія и сохранять за крестьянами, живущими въ предѣлахъ пожалованныхъ земель, ихъ личную свободу и собственность. Вотъ, впрочемъ, подлинныя выраженія, въ которыхъ русскіе помѣщики высказывали свой взглядъ на характеръ татарскаго землевладѣнія. Мы находимъ въ отпечатанныхъ г-номъ Лашковымъ документахъ между прочимъ донесенія, сдѣланнаго правителю Екатеринославскаго Намѣстничества, Хорвату, 9 Сентября 1796 года завѣдовавшимъ раздачей земель въ Крыму Нотарю. Такъ какъ татары не дворяне, значится въ этомъ донесеніи, то и собственныхъ земель имѣть не могутъ, а почитаемыя ими таковыми должны быть казенныя, и на оныя, какъ и на прочія розданныя земли, выданы отдѣльные указы для вѣчно-потомственного ихъ владѣнія. Г-нъ Нотаря предлагалъ поэтому во избѣжаніе всякихъ споровъ оставить за помѣщиками всѣ земли, не возвращая татарамъ никакихъ участковъ.

«Если же, прибавляя онъ, по изслѣдованіи найдется, что татары дѣйствительно имѣли эти земли по купчимъ, совершеннымъ ими самими или ихъ кредками, то лучше всего отвести имъ изъ казенныхъ земель столько же въ другомъ мѣстѣ»¹⁾. А вотъ еще свидѣтельство на счетъ того, какъ помѣщики, прибывшіе изъ Россіи, понимали отношенія татаръ-поселянъ къ землѣ въ предѣлахъ населенныхъ ими имѣній. 22 Ноября 1801 года представлена отъ имени крымскихъ помѣщиковъ особая записка, въ которой они жалуются на то, что утѣснены и разорены алчностью и корыстолюбіемъ татаръ, присваивающихъ себѣ земли, розданныя русскимъ дворянамъ и чиновникамъ²⁾. По разслѣдованіи же комиссіи, учрежденной для разбора споровъ о правѣ владѣнія землею въ Крыму 19 Мая 1802 года, оказалось, что на самомъ дѣлѣ въ предѣлахъ поступившихъ къ помѣщикамъ имѣній встрѣчаются цѣлыя селенія, владѣющія землею, какъ значителенъ, «безъ всякаго платежа и отношенія къ помѣщикамъ». Комиссія считаетъ поэтому нужнымъ поставить на видъ послѣднимъ, что «укрѣплять за собою поселянъ и обременять ихъ повинностями болѣе положеннаго никто не можетъ»³⁾. Причина, по которой начальство одно время не хотѣло признать права собственности за татарами, какъ нельзя лучше выступаетъ въ слѣдующихъ словахъ одного изъ членовъ комиссіи, Таранова, въ представленіи, сдѣланномъ имъ губернатору края, Михельсону. «Собственность въ земляхъ, отыскиваемыхъ татарами, найти трудно и почти невозможно по неимѣнію у многихъ на оную документовъ»⁴⁾. Никакихъ подобныхъ недоразумѣній не возникло бы, если бы съ самаго начала русская администрація прониклась тѣмъ воззрѣніемъ на природу заимочнаго владѣнія и земельныхъ пожалованій хановъ или *икта*, которую я стараюсь провести въ настоящую минуту въ противность г-ну Лашкову. Заимка въ Крыму была свободной подъ условіемъ, разумѣется, фактической обработки участковъ. Она могла происходить въ равной степени не только на пустопорожнихъ земляхъ, но и въ предѣлахъ ханскихъ или доманіальныхъ владѣній, чѣмъ и объясняется обнаруженный источниками фактъ, что во многихъ имѣніяхъ въ моментъ присоединенія Крыма не мало было участковъ, состоявшихъ въ дворовомъ владѣніи того или другого татарина, не смотря на принадлежность ихъ хану или мурзѣ. Это не помѣшало, какъ признаетъ самъ г-нъ Лашковъ, «большинству новыхъ помѣщиковъ заявлять о своемъ правѣ на загороженные участки, находящіеся внутри ихъ имѣнія»⁵⁾.

¹⁾ Сборникъ документовъ по исторіи крымско-татарскаго землевладѣнія, составленный г-номъ Лашковымъ, стр. 155—156.

²⁾ Смори Лашковъ „Историческій очеркъ“, стр. 142.

³⁾ Ibid., стр. 146.

⁴⁾ Ibid., стр. 142.

⁵⁾ Смори *ibid*, стр. 133.

Напрасно только авторъ видитъ въ этомъ какое то торжество «капиталистическаго взгляда на обязательство, въ ущербъ прежнимъ патриархальнымъ отношеніямъ», а не необходимое послѣдствіе совершеннаго непониманія природы магометанскаго землевладѣнія, въ частности того отношенія, въ какое къ землѣ становятся при немъ свободные заимщики.

Вѣдь не въ одномъ Крыму приходится имѣть дѣло съ тѣми же предубѣжденіями воспитанныхъ въ идеяхъ русскаго права законодателей и администраторовъ. Такъ на Кавказѣ, на примѣръ, на протяженіи всѣхъ земель, входившихъ нѣкогда въ составъ Грузіи и подчиненныхъ законодательству Вахтанга, обычное право до-селѣ признаетъ такъ называемое «ахо» или свободную заимку нѣкъмъ не воздѣланныхъ земель, а въ Слободской Украинѣ та же свободная заимка въ такой степени должна быть признана первоначальнымъ титуломъ собственности, что въ нѣкоторыхъ слободахъ, на примѣръ, въ Пересѣчанской, большая часть собственниковъ не имѣютъ, выражаясь языкомъ русскихъ юристовъ, другого основанія держать наслѣдственно тотъ или другой участокъ, кромѣ давности. Не даромъ же сумскому окружному суду пришлось удовлетворить притязанію многихъ и многихъ крестьянъ бывшей Слободской Украины, на то, что занятія ими земли составляютъ не достояніе казны, а ихъ собственность и принадлежатъ имъ на правахъ старинныхъ заимокъ. Если тѣмъ же успѣхомъ не увѣнчались притязанія многихъ селеній Харьковскаго уѣзда, то объясняется это простымъ запретомъ министра юстиціи по адресу окружныхъ судовъ,—запретомъ рѣшать эти дѣла до момента окончательнаго опредѣленія юридической природы заимокъ, вопроса до-селѣ спорнаго, впрочемъ только въ глазахъ правительства.

Помимо недостаточнаго выясненія природы заимокъ и земельныхъ пожалованій или «икта» въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ извѣстны были въ Крыму до эпохи русскаго владычества, я считаю нужнымъ поставить г-ну Лашкову въ вину, что имъ не вполне обоснованъ взглядъ на характеръ, скорѣе публичнаго, нежели общиннаго владѣнія, какой мусульманскіе законовѣды связывали съ дико-растущею травою или лѣсомъ. Въ этомъ лежитъ одна изъ любопытнѣйшихъ особенностей магометанскаго права, какъ отъ римскаго, такъ и отъ германскаго. Корень ея разумѣется надо искать въ тѣхъ условіяхъ пастушескаго и не вполне еще осѣдлаго быта, какимъ жили, какъ арабы, такъ и монголы, и при которомъ прогоняемымъ стадамъ не возможно было обойтись безъ свободной поклажи лежащей на ихъ пути степи. Замѣчательно, что всюду въ Европѣ, гдѣ магометанское владычество было болѣе или менѣе продолжительнымъ, уцѣлѣли еще остатки этой свободы, столь гибельной для интересовъ частныхъ собственниковъ и всей вообще сельско-хозяйственной культуры. Мы встрѣчаемъ ее и въ Испаніи, не исключая Каталоніи, и въ Сициліи, гдѣ экономистамъ начала текущаго столѣтія еще приходилось доказывать вредъ подобныхъ порядковъ для сколько нибудь рациональнаго хозяйства.

Г-нъ Лашковъ указываетъ намъ, правда, на тотъ любопытный фактъ, что дикорастущій лѣсъ считался въ Крыму предметомъ свободнаго присвоенія, какъ свободнымъ былъ также выпасъ овецъ, не сопровождаемый никакими поборами въ пользу крымскихъ помѣщиковъ и мурзъ. Такъ въ одномъ приводимомъ авторомъ документѣ 1608—1613 года жители деревни Агузъ приносятъ жалобу на то, что помѣщики, Якубъ-Шейхъ и Хаджи-Мехмедъ, вздумали брать съ нихъ за пастбу «противно Шеріату»; при этомъ они объясняли, что въ ихъ вилайетѣ нѣтъ платы за выпасъ овецъ; ходятъ онѣ гдѣ имъ угодно; дозволяется выгонять ихъ на всѣ пастбища»¹⁾. Въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и выпасъ, было, по мнѣнію г-на Лашкова, и пользованіе дикорастущимъ лѣсомъ. «Это право, говоритъ онъ, основывалось на извѣстномъ намъ принципѣ шеріатскаго ученія, въ силу котораго все существующее на землѣ безъ помощи человеческого труда, въ томъ числѣ и лѣсъ, не можетъ быть исключительной собственностью. На этомъ основаніи, продолжаетъ нашъ авторъ, лѣсъ, даже въ предѣлахъ мурзинскаго владѣнія, не составлялъ принадлежности одного собственника, но находился также и въ пользованіи поселянъ, жившихъ въ предѣлахъ мурзинской земли. Поселяне, разумѣется, могли получать его только для своихъ хозяйственныхъ нуждъ; для продажи же или для какихъ либо другихъ коммерческихъ цѣлей, они получали его не иначе, какъ подъ условіемъ извѣстной платы владѣльцу»²⁾. По моему мнѣнію, г-нъ Лашковъ не вполне вѣрно передаетъ отношеніе крестьянъ къ обобществленнымъ видамъ угодій. Я не нахожу въ памятникахъ мусульманскаго законодательства ничего, что бы доказывало права пользоваться лѣсомъ, какъ публичной собственностью на подобіе пастбища. Лѣсъ могъ быть въ Крыму, какъ и на западѣ Европы, въ совмѣстномъ обладаніи помѣщика и поселянъ; онъ могъ, даже, подлежать праву вѣзда цѣлой округи, составленной изъ индивидуальныхъ собственниковъ и земельныхъ общинъ; въ этомъ случаѣ ничто не мѣшало появленію на Крыму тѣхъ самыхъ экономическихъ распоряжковъ, которые до-селѣ держатся всюду, гдѣ, какъ, на примѣръ, въ швейцарскихъ Bürgerliche Gemeinden, имѣются нераздѣльные лѣса и рощи. Крестьянскимъ дворамъ разрѣшается извлекать изъ нихъ матеріалъ для топлива и построекъ, для перваго—обыкновенно валежники, этотъ mort bois французскихъ кутюмовъ, для вторыхъ—лѣсъ на корню, въ количествѣ, не превышающемъ хозяйственныхъ потребностей. Общественное отчужденіе того или другого на сторону безъ соответственнаго платежа не можетъ быть и рѣчи. Но если лѣсъ, такимъ образомъ, является предметомъ общиннаго владѣнія и пользованія въ Крыму, въ такой же мѣрѣ, какъ и на средневѣковомъ западѣ, то далеко не въ тѣхъ же условіяхъ стоитъ право пользованія пастбищами, или, вѣрнѣе, всякою

¹⁾ Лашковъ, стр. 88—89.

²⁾ Ibid., стр. 89.

дикорастущею травю. Доступъ къ ней открыть не однимъ членамъ крестьянскаго міра, но и чужеродцамъ, проѣзжающимъ по деревенскому выпасу или прогоняющимъ чрезъ него свой скоть. Это именно разумѣютъ тѣ постановленія Гедаи, въ которыхъ говорится, что трава не можетъ поступить въ продажу, такъ какъ не мыслимо, чтобы продавецъ имѣлъ на нее право собственности. Авторъ основываетъ свое мнѣніе на Суннахъ или религіозныхъ преданіяхъ мусульманъ, въ которыхъ, между прочимъ, Магамету приписано слѣдующее изреченіе: «что касается до травы, то въ ней всѣ имѣютъ свою долю». Изъ этого изреченія выводится еще то послѣдствіе, что «самая сдача травы въ аренду незаконна». Это положеніе поддерживается, впрочемъ, и другими соображеніями, а именно тѣмъ, что аренда не можетъ быть заключаема подъ условіемъ истребленія арендуемаго, а это именно предполагаетъ сдача травы подъ покосъ или выпасъ¹⁾. Ничего подобнаго мусульманскіе законовѣды не говорятъ о тѣхъ, что и не мудрено, во-первыхъ—въ виду того, что для пастушескаго народа послѣдній имѣлъ значеніе, главнымъ образомъ, какъ мѣсто для выпаса, а во-вторыхъ—потому, что въ степяхъ Аравіи, Передней Азіи и Монголіи, онъ далеко не являлся достаточно распространеннымъ, чтобы быть предметомъ не одного общиннаго или частнаго владѣнія, но и доступной для всѣхъ публичной собственности. Правда, г-нъ Лашковъ старается и по отношенію къ пастбищамъ установить принципъ принадлежности ихъ однимъ частнымъ лицамъ и общинамъ, для чего ссылается на тотъ фактъ, что въ обмѣнъ за общественныя помочи крестьяне надѣлялись помѣщиками или мурзами правомъ пасти свой скоть на выгонахъ. Но такое мнѣніе высказано впервые только въ 1808 году русскими властями и не находитъ себѣ подтвержденія въ законодательныхъ источникахъ, предшествующихъ нашему владычеству на Таврическомъ полуостровѣ. Общественныя помочи возникали и возникаютъ независимо отъ какихъ либо пожалованій со стороны помѣщиковъ и вызваны къ жизни не только отношеніями сосѣдства, но и чрезполоснымъ расположеніемъ надѣловъ, при которомъ невозможно производить уборку иначе, какъ одновременно и сообща. Тѣ помочи, съ которыми мы встрѣчаемся въ Крыму на протяженіи мурзинскихъ земель, однохарактерны по своей природѣ съ такъ называемыми *lovebones* или «тягостями, принимаемыми любви ради», о которыхъ говорится въ средневѣковыхъ документахъ англійскаго помѣстнаго владѣнія; въ нихъ весьма наглядно выступаетъ также связь помочей съ существованіемъ системы открытыхъ полей и разбросанныхъ по нимъ дѣлянокъ крестьянскихъ хозяйствъ. Какъ и въ Крыму, помочи ни мало не могутъ считаться признакомъ крѣпостнаго состоянія лицъ, въ нихъ участвующихъ.

¹⁾ Смотри Гедаю, англійскій переводъ Гамильтона, томъ II, книга XVI, стр. 435.

щихъ. Въ моемъ «Экономическомъ ростѣ Европы» я привелъ, кажется, достаточный матеріалъ для обоснованія того взгляда, что на всемъ западѣ мірскія помочи, въ отличіе отъ барщины, поставляемы были и свободными владѣльцами помѣстій. Г-нъ Лашковъ весьма наглядно показываетъ, что и въ Крыму, гдѣ крѣпостное право было неизвѣстно для татаръ, общинныя помочи были въ полномъ ходу. Русскіе помѣшники произвольно подвели ихъ подъ понятіе барщины, распространяя на татарское землевладѣніе свойственное нашему законодательству до реформы 1861 года отождествленіе права имѣть собственность въ населенныхъ имѣніяхъ съ преимуществами, сообщаемыми дворянствомъ, а фактъ владѣнія въ предѣлахъ помѣстья съ крѣпостнымъ состояніемъ. Гораздо ранѣе г-на Лашкова комиссія для разбора споровъ о землевладѣніи въ Крыму уже признала невозможнымъ подвести подъ крѣпостныя отношенія тѣ, которыя возникали между мурзами и земельными собственниками въ предѣлахъ ихъ имѣній изъ за сдаваемыхъ въ аренду участковъ и изъ за дароваго отпращиванія татарами такъ называемой «талоки», т. е., какъ поясняютъ источники, изъ за обычая оказывать мурзамъ безденежно помощь при сѣнокосахъ, жатвахъ, молотбѣ, при одномъ обязательствѣ собственниковъ поставлять пищу работникамъ¹⁾.

Если я остановился съ нѣкоторою подробностью на характеристикѣ правовыхъ отношеній крымскихъ крестьянъ собственниковъ въ предѣлахъ помѣстій, то потому, что мои разногласія съ г-номъ Лашковымъ почти исключительно касаются одного этого вопроса. Я объясняю ихъ не одинаковымъ отношеніемъ къ источникамъ мусульманскаго права и въ частности, къ Гадаѣ. Какъ появившаяся въ переводѣ на одномъ англійскомъ языкѣ и какъ представляющая нынѣ довольно рѣдкое изданіе, эта книга, повидимому, не была изучена г-номъ Лашковымъ въ подлинникѣ. Но, съ другой стороны, я долженъ признать, что онъ непосредственно познакомился съ Мультекой во французскомъ переводѣ d'Ohsson и съ той общедоступной литературой по вопросу о землевладѣніи мусульманъ, какую представляло изслѣдованіе Вормса, восходящее еще къ 50 годамъ, и короткое руководство барона Торнау къ изученію магометанскаго права вообще. Не объясняю себѣ только одного, почему уважаемый авторъ, и не восходя непосредственно къ источникамъ, не воспользовался весьма обстоятельною статьею о поземельномъ владѣніи мусульманъ, отпечатанной Belin въ томъ самомъ журналѣ, «Revue Asiatique», въ которомъ впервые появилась монографія Вормса. Изслѣдованіе Belin полнѣе затрогиваетъ многіе вопросы, поднятые ранѣе Вормсомъ, и привлекаетъ къ ихъ

¹⁾ Смотри переводъ съ объясненіями г-на статскаго совѣтника Кажадаръ-Мехметъ-Аги обще съ Муфтіемъ, Эфендіемъ и другими мурзами на пункты Его Сіятельства Графа Михаила Васильевича, учиненнаго въ 1798 году Сентября 29 дня. (Сборникъ документовъ по исторіи крымско-татарскаго землевладѣнія г-на Лашкова, стр. 149).

рѣшенію несравненно большее число источниковъ. Тѣмъ не менѣе и съ матеріаломъ, какой имѣлся въ рукахъ г-на Лашкова, нашему автору явилась возможность критически отнестись къ нѣкогда распространенному предубѣжденію, что по Корану единственнымъ собственникомъ земли является глава правовѣрныхъ или имамъ. Онъ не впасть, такимъ образомъ, въ тѣ погрѣшности, въ какихъ справедливо можно было упрекнуть составителей Матеріаловъ для изученія Болгаріи, которые готовы были признать всю эту область, отнятую у турокъ при содѣйствіи русскаго оружія, выморочнымъ имуществомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что, якобы по Корану, земля не знаетъ другого собственника, кромѣ исполняющаго обязанности имама турецкаго султана¹⁾. Разумѣется, всѣхъ бы этихъ недоразумѣній не было, еслибы въ Россіи, считающей миллионы подданныхъ магометанъ, также серьезно относились къ изученію магометанскаго права, какъ въ Англіи и Франціи, находящихся въ тѣхъ же условіяхъ. Но тогда какъ кафедръ, посвященныхъ изложенію основъ этого права, существуютъ въ университетахъ Оксфорда и Кембриджа, а тѣмъ болѣе въ университетахъ Индіи, тогда какъ, не только въ Алжирѣ, но и въ Парижѣ, въ *Ecole de droit*, можно слушать цѣлые курсы по исторіи или догмѣ мусульманскаго права, ни въ одномъ русскомъ университетѣ, особенно со времени упраздненія кафедры сравнительной исторіи права, ни одному профессору не приходится даже обмолвиться единымъ словомъ по тому же предмету и, что всего изумительнѣе, даже въ такомъ специальномъ заведеніи, посвященномъ изученію Востока, какимъ является Лазаревскій Институтъ, мусульманское право до сихъ поръ не преподается²⁾. Если имѣть въ виду, что за исключеніемъ римскаго права и, разумѣется, современныхъ законодательствъ, ни одна юридическая система не представляетъ такихъ развѣтвленій, какъ та, источникомъ которой является Коранъ и Сунны, что въ ней можно отмѣтить существованіе цѣлыхъ четырехъ самостоятельныхъ школъ, не говоря уже объ ихъ подраздѣленіяхъ, что различія между ними вызваны большей или меньшей свободой въ интерпретаціи, какъ текста священной книги магометанъ, такъ и церковнаго преданія, касающагося самого Магамета и его ближайшихъ преемниковъ,

¹⁾ Мною указано было своевременно на изумительныя неточности въ передачѣ ученія мусульманскихъ юристовъ на право собственности и владѣнія, въ какой повинны были члены комиссіи для изученія Болгаріи, комиссіи, поставленной подъ начальство князя Черкасскаго. Критическая статья, посвященная мною Матеріаламъ для изученія Болгаріи въ „Вѣстникѣ Европы“, произвела въ свое время впечатлѣніе на нѣмецкую печать, какъ видно изъ статьи, появившейся вскорѣ за тѣмъ въ *Deutsche Rundschau* подъ заглавіемъ *Fürst Tcherkasski und seine Jungen* (Князь Черкасскій и его ребята).

²⁾ Въ одномъ только факультетѣ восточныхъ языковъ въ Петербургѣ сдѣлана была попытка, и то недавняя, — ознакомить слушателей съ элементами магометанской юриспруденціи.

что нѣкоторые изъ магометанскихъ законовѣдовъ доводили эту свободу до крайнихъ предѣловъ, допуская въ своихъ толкованіяхъ разсужденія и принципы, цѣликомъ заимствованные изъ римскаго права, то немудрено будетъ притти къ заключенію, что въ выработкѣ юридическаго мышленія знакомство съ сочиненіями магометанскихъ законовѣдовъ можетъ уступить только знакомству съ текстомъ Дигестъ и Институцій. Этого одного достаточно, чтобы признать необходимость ввести его въ число тѣхъ юридическихъ дисциплинъ, преподаванію которыхъ должны служить факультеты и школы правовѣднія.

Въ числѣ оригинальнѣйшихъ сторонъ мусульманскаго законодательства, въ частности земельного, надо указать на то, которое касается такъ называемыхъ вакуфовъ. Терминъ церковная собственность отнюдь не передаетъ понятія, связаннаго съ этимъ именемъ, такъ какъ вакуфомъ является всякое заповѣдное имущество, все-равно, создано ли оно съ цѣлью обезпечить содержаніе мечети, или уходъ за фонтаномъ или, наконецъ, сохраненіе за семьею извѣстной ренты независимо отъ тѣхъ превратностей судьбы, которыхъ на Востокѣ, не смотря на слабое развитіе капиталистическаго строя и въ прямой зависимости отъ ничѣмъ не сдерживаемаго произвола, избѣгать еще труднѣе, чѣмъ на Западѣ. Оба свода ханефитскаго права, Мультека и Гедая, посвящаютъ обширные отдѣлы изложенію законодательства о вакуфахъ и опредѣленію ихъ юридической природы. Знакомство съ ними даетъ, между прочимъ, возможность указать воздѣйствіе римскаго права на выработку мусульманскихъ правовыхъ порядковъ и представленій; такъ напримѣръ: ученіе о томъ, что вакуфы, устанавливаемые словесно, не имѣютъ обязательной силы для лица, ихъ создаваемаго, и что для ихъ дѣйствительности необходимо составленіе письменнаго акта передъ судьей и занесеніе его въ протоколы трибунала, очевидно воспроизводитъ то общее правило римской юриспруденціи, по которому обязательство, имѣющее предметомъ недвижимую собственность, должно быть изложено въ письменномъ видѣ; но не обязательное для самого установителя вакуфа, словесное обѣщаніе, сопровождаемое актами, свидѣтельствующими о готовности осуществить его и, во всякомъ случаѣ, о нежеланіи взять его обратно, связываетъ наслѣдниковъ и ставитъ судью въ альтернативу высказаться въ пользу признанія спорнаго имущества заповѣднымъ, иначе говоря вакуфомъ¹⁾. При составленіи записи вакуфному распоряженію необходимо указаніе и лица, которому поручается забота объ администраціи самаго имущества (онъ извѣстенъ подъ наименованіемъ *мутвали*); но это требованіе не можетъ считаться безусловнымъ. Без-

¹⁾ Таково отношеніе къ вакуфамъ автора Мультеки, см. *Tableau général de l'Empire othoman* par d'Ohsson, томъ II, стр. 545.

форменное обязательство установить вакуфъ имѣть законную силу, разъ оно сдѣлано на смертномъ одрѣ и подъ условіемъ исполненія послѣ кончины, такъ какъ въ этомъ случаѣ оно уподобляется завѣщательному распоряженію. Но и тутъ сказывается вліяніе римскаго права въ томъ смыслѣ, что распоряженіе имуществомъ въ формѣ установленія вакуфа, подобно всякому завѣщательному распоряженію, не должно превысить извѣстной нормы. Какъ въ римскомъ правѣ мы имѣемъ дѣло съ quarta Falcidia, такъ въ мусульманскомъ выступаетъ требованіе, чтобы имущество, поступающее въ вакуфъ въ силу завѣщанія, не превышало трети оставленнаго покойникомъ наслѣдства¹⁾.

Своеобразную форму представляютъ тѣ вакуфы, въ которыхъ лицо, ихъ учреждающее, удерживаетъ за собою право пожизненнаго пользованія имуществомъ, обращаемымъ имъ въ заповѣдное. Невольно бросается въ глаза аналогія такихъ порядковъ съ церковными прекаріями, которыя изъ римскаго права проникли и въ средневѣковую практику²⁾. И въ разнорѣчіяхъ мусульманскихъ юристовъ по вопросу о томъ, съ какого момента надо считать вакуфъ установленнымъ, сказывается вліяніе римскихъ юридическихъ представленій. Абу-Юсуфъ признаетъ такимъ моментомъ производство любого дѣйствія, направленнаго къ выполненію обязательства, принятаго установителемъ вакуфа. Наоборотъ, Магаметь отсрочиваетъ наступленіе этого момента до передачи или traditio вакуфнаго имущества въ руки избраннаго завѣдывателя или мутвали³⁾. Предметомъ вакуфнаго распоряженія можетъ быть всякое неистребляемое временемъ имущество, а поэтому не только земля, но и движимость⁴⁾. Такъ какъ имущество поступаетъ въ вакуфъ на вѣчныя времена, то оно не подлежитъ отчужденію даже въ той прикрытой формѣ, какую представляетъ передача его въ вѣчно-наслѣдственное пользованіе⁵⁾, а отсюда то правило, что завѣдующій имъ мутвали связанъ обязательствомъ сдавать его въ наемъ не иначе, какъ на 3 года, разъ дѣло идетъ о недвижимости, и на одинъ годъ, разъ дѣло идетъ о движимости⁶⁾. Изъ той же заповѣдности вакуфнаго имущества слѣдуетъ, что оно не можетъ служить средствомъ къ обезпеченію долга въ формѣ залога или заклада⁷⁾, и что завѣдующій

¹⁾ Ibid, стр. 546 и Hedaya, въ переводѣ Гамильтона, т. II, кн. XV, стр. 338.

²⁾ Смотри, что говоритъ о подобныхъ вакуфахъ авторъ Гедая, томъ II, стр. 351.

³⁾ Hedaya, т. II, начало XV книги.

⁴⁾ Hedaya, т. II, стр. 341 и 342 Мультека, въ изданіи d'Ohsson, стр. 488.

⁵⁾ Воля лица, создающаго вакуфъ, можетъ внести на этотъ счетъ существенныя измѣненія и этимъ объясняется почему въ окрестностяхъ Константинополя, по замѣчанію г-на Ругона, вакуфы, какъ общее правило, сдаются въ вѣчную аренду. Rougon. Du régime de la propriété immobilière en Turquie, стр. 8.

⁶⁾ Мультека, изд. d'Ohsson, т. II, стр. 442.

⁷⁾ Ibid, стр. 549—550.

имъ въ правѣ только обмѣнять его на другое, равноцѣнное. Но заповѣдность не мѣшаетъ затратѣ дохода прежде всего на содержаніе самого имущества въ исправномъ видѣ, почему доходы отъ вакуфовъ идутъ нерѣдко на перестройку мечети и на поправку публичныхъ зданій, въ пользу которыхъ они установлены. Чтобы наглядно выразить принципъ вѣчности, присущій всякому вакуфу, мусульманскіе юристы допускаютъ фикцію—поступленія имущества въ даръ вѣчному Богу, а отсюда то послѣдствіе, что верховнымъ администраторомъ считается, согласно Мультекъ, самъ имамъ, какъ озабоченный интересами культа и общаго блага націи¹⁾. Своеобразную разновидность вакуфовъ представляютъ тѣ, которые извѣстны подъ наименованіемъ вакуфовъ обычныхъ или *meschrouta' u ewladiyett*²⁾. Мультека объявляетъ, что цѣль, съ которой создаются подобные вакуфы, лежитъ въ желаніи защитить извѣстную часть имущества отъ расточительности наслѣдника и отъ возможности произвольныхъ конфискацій со стороны свѣтскихъ властей³⁾.

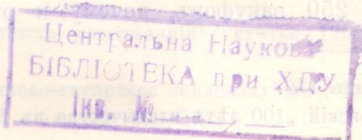
Цѣль эта, очевидно, та же, какая имѣлась и имѣется въ виду при установленіи заповѣдныхъ имуществъ и субституцій, цѣль изъятія изъ торговаго оборота извѣстныхъ земель въ интересахъ матеріальнаго обезпеченія на вѣчныя времена того или другого семейства. Всѣ только что перечисленные нами нормы вакуфнаго права встрѣчаются и въ Крыму. Одну изъ интереснѣйшихъ сторонъ разбираемаго нами сочиненія составляетъ глава, посвященная описанію, какъ духовныхъ, такъ и частныхъ вакуфовъ въ предѣлахъ Таврической губерніи; изъ нея видно, какъ распространена была эта форма землевладѣнія до момента перехода страны подъ русское владычество. Въ 1893 году еще 87 тысячъ десятинъ продолжали оставаться подъ вакуфомъ, а «такъ какъ, говоритъ г. Лашковъ, многіе вакуфы, существовавшіе при ханахъ перешли послѣ присоединенія Крыма къ Россіи въ частныя руки, то приведенное число должно быть увеличено по меньшей мѣрѣ вдвое, чтобы судить о числѣ ихъ до русскаго владычества»⁴⁾. Нужно ли настаивать на томъ, что это заявленіе совершенно голословно; въ пользу него авторъ можетъ привести развѣ тотъ фактъ, что однихъ частныхъ вакуфовъ въ 1849 году считалось болѣе 55 тысячъ десятинъ, при чемъ проводилось различіе между тѣми, которые созданы были въ интересахъ матеріальнаго обезпеченія какъ мужскаго, такъ и женскаго потомства (*ewla wakouw*) и тѣми, которые установлены были въ пользу одного мужскаго потомства (*ibnau wakouw*) и переходили, какъ общее правило, къ старшему въ родѣ, фактъ сближающій ихъ съ майоратными имуществами. Особенность Крыма, вызванная, очевидно, сла-

1) Мультека, т. II, стр. 547.

2) Мультека, т. II, стр. 530.

3) Ibid., т. II, стр. 530.

4) Смори стр. 149.

бымъ развитіемъ въ немъ грамотности, составляла обще-распространенность вакуфовъ, создаваемыхъ путемъ словеснаго завѣщанія.

Таково было большинство тѣхъ, какіе учреждаемы были въ пользу потомковъ обоого или одного мужского пола; «въ случаѣ прекращенія такого потомства отданное въ вакуфъ имущество поступало, говоритъ г. Лашковъ, въ пользу какого либо благотворительнаго учрежденія или мечети, монастыря, а также въ пользу города Медины и даже на чтеніе Корана за упокой души учредителя»¹⁾.

Одинъ фактъ исчезновенія доброй половины вакуфовъ показываетъ, что принципъ неотчуждаемости ихъ не былъ строго соблюдаемъ русскими властями; не удивительно поэтому, если лицамъ, посѣщающимъ Крымъ, не разъ приходится съ удивленіемъ открывать въ предѣлахъ тѣхъ или другихъ парковъ, напр. Алупкинскаго, участки земли, которые, самымъ фактомъ правильного насажденія въ нихъ кипарисовъ аллеями, свидѣтельствуютъ о принадлежности ихъ къ числу старинныхъ кладбищъ, устраиваемыхъ татарами на протяженіи вакуфныхъ земель, какъ земель не подлежащихъ отчужденію. Не мудрено также, если желающимъ приобрѣсть землю на южномъ берегу Крыма, не разъ приходится слышать изъ устъ татаръ совѣтъ—навести предварительно справку, не принадлежитъ ли отчуждаемый участокъ къ числу тѣхъ, на которые нельзя установить собственности въ силу одного давностнаго владѣнія, вообще неизвѣстнаго мусульманскому праву и въ частности непримѣнимаго къ землямъ заповѣднымъ, каковы вакуфныя. Могло ли, впрочемъ, и быть иначе, разъ русское правительство, какъ мы съ изумленіемъ узнали изъ книги г-на Лашкова, сходящагося въ этомъ съ г-номъ Блюменфельдомъ, только въ 1829 году занялось нормированіемъ путемъ закона положенія вакуфныхъ имуществъ; да и сдѣлано это, какъ показалъ г. Блюменфельдъ и ранѣе его г. Заводовскій, съ значительными отступленіями отъ правилъ мусульманскаго права²⁾.

О существованіи вакуфныхъ имуществъ, но только такихъ, которыя приурочены къ содержанію мечетей и духовныхъ училищъ, русское правительство освѣдомлено было еще въ 1783 году, когда баронъ Энгельстромъ довелъ до его свѣдѣнія о наличности въ предѣлахъ полуострова около 1600 мечетей и духовныхъ училищъ, надѣленныхъ каждое земельнымъ участкомъ, размѣромъ отъ одной до 4 тысячъ десятинъ.

Законъ 1829 года потребовалъ отъ магометанскаго духовенства, чтобы въ теченіе ближайшихъ 3-хъ лѣтъ оно заявило о всѣхъ тѣхъ, какъ сказано, завѣщательныхъ актахъ, которыми учреждены были вакуфы, но и 6 лѣтъ спустя не было возможности оправдать документами существованіе почти 250 вакуфовъ, почему и рѣшено было въ концѣ-концовъ

¹⁾ Страница 110.

²⁾ Заводовскій „100 лѣтъ владычества въ Крыму“.

удовольствоваться простымъ составленіемъ точной описи вакуфныхъ земель, для чего въ разное время и назначаемы были комиссіи (такъ не далѣе, какъ въ 1871 году), и дѣлаемы были обращенія къ содѣйствію уѣздныхъ кадіевъ и мѣстнаго земства. При всемъ томъ вопросъ до сихъ поръ не вполне выясненъ и только приблизительно насчитываютъ въ Крыму до 87 тысячъ десятинъ вакуфной земли¹⁾. Правительство въ томъ смыслѣ отступило отъ нормъ мусульманскаго права, что признало духовные вакуфы церковной собственностью, тогда какъ въ дѣйствительности они, по вѣрному замѣчанію г. Блюменфельда, только состоятъ въ управленіи духовныхъ лицъ, приставленныхъ къ мечетямъ и связанныхъ обязательствомъ затрачивать доходы съ вакуфа исключительно на цѣли, указанные въ самомъ актѣ надѣленія. Нашъ сводъ (въ 1857 году) еще тѣмъ отступилъ отъ нормы магометанскаго права, что призналъ вакуфы отчуждаемыми въ извѣстномъ случаѣ (смотри сводъ, томъ X, 1 часть, примѣчаніе къ 1203 статьѣ), тогда какъ по ученію ислама посвященные имущества неотчуждаемы. Г. Блюменфельдъ замѣчаетъ по этому поводу, что позднѣе выпедшія правила о вакуфахъ закавказскаго края гораздо вѣрнѣе передали ихъ юридическую природу, называя ихъ имуществами, состоящими только въ вѣдѣніи духовенства и доходы съ которыхъ обращаются на тѣ или другіе предметы согласно воли жертвователя и правиламъ шеріата (т. XI, ст. 1142 примѣч. по прод. 1876 г. приложения I и II ст. 104—111). Что касается до частныхъ вакуфовъ, то ихъ природа передана вѣрно закономъ 1829 г. какъ имуществъ, состоящихъ въ одномъ вѣдѣніи магометанскаго духовенства, но пользованіе которыми принадлежитъ тѣмъ частнымъ родамъ, коимъ они владѣльцами завѣщаны впредь до совершеннаго ихъ родовъ пресѣченія²⁾, но законодатель опять таки отступилъ отъ историческаго права, признавъ, что въ случаѣ прекращенія родовъ, вакуфы не получаютъ новаго и на этотъ разъ религіознаго назначенія, какъ это было до присоединенія Крыма къ Россіи, а считаются выморочнымъ имуществомъ. Съ другой стороны русское правительство положило конецъ дальнѣйшему росту частныхъ вакуфовъ и изъяло ихъ съ 1874 года изъ вѣдѣнія духовенства, предоставивъ министру внутреннихъ дѣлъ распорядиться о передачѣ ихъ мѣстному управленію государственныхъ имуществъ³⁾.

Вообще весь вопросъ объ отношеніи русскаго правительства къ вакуфному землевладѣнію рассмотрѣнъ былъ весьма обстоятельно еще за

¹⁾ Ibid., стр. 146, 147 и 151; изъ нихъ до 50 тысячъ десятинъ церковныхъ вакуфовъ.

²⁾ Томъ XI, „Уставъ иностранныхъ исповѣданій“, статья 1203. Примѣчанія § 1, издан. 1857 года.

³⁾ Смотри Блюменфельдъ, „Крымско-татарское землевладѣніе“. Одесса. 1888 г., стр. 52—53.

нѣсколько лѣтъ до появленія книги г-на Лашкова¹⁾ какъ Заводовскимъ, такъ и Блюменфельдомъ; автору разбираемаго сочиненія осталось только обогатить насъ статистическими данными о числѣ вакуфовъ по разслѣдованіямъ, сдѣланнымъ въ 1849 и 1893 годахъ. Позволю себѣ по этому случаю то общее замѣчаніе, что при всей своей документальности, «Историческій очеркъ крымско-татарскаго землевладѣнія» не освобождаетъ исполнѣ отъ необходимости считаться съ предшествующими работами, и вотъ по какой причинѣ: г. Лашковъ болѣе историкъ, нежели юристъ, тогда какъ, наоборотъ, г. Блюменфельдъ болѣе юристъ, нежели историкъ. Вотъ почему оба взаимно восполняютъ другъ друга, давая возможность первый—познакомиться съ исторической постановкой того или другого поднимаемаго имъ вопроса, а второй съ юридической его природой въ той формѣ, какую онъ получилъ отъ русскаго законодателя и русской административной и юридической практики.

Историческая точка зрѣнія позволила г-ну Лашкову представить въ совершенно новомъ свѣтѣ вопросъ о бейликахъ, о которыхъ не заходить и рѣчи въ общемъ курсѣ русскаго гражданскаго права г. Побѣдоносцева и которые совершенно ошибочно отождествлялись еще недавно съ мелкой собственностью, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они, какъ исполнѣ установлено теперь благодаря г-ну Лашкову, являются переживаніемъ родовыхъ порядковъ въ области землевладѣнія. По этому вопросу другимъ писателямъ и въ томъ числѣ г-ну Блюменфельду пришлось только повторить то, что сказано было разбираемымъ нами авторомъ въ сообщеніи, сдѣланномъ имъ одесскому археологическому съѣзду и воспроизведенному въ болѣе полномъ видѣ въ «Историческомъ очеркѣ крымско-татарскаго землевладѣнія».

Чтобы обосновать свой взглядъ, г-ну Лашкову пришлось произвести настоящее историческое изслѣдованіе, къ которому привлечены были всѣ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя о бытѣ крымскихъ татаръ и татаръ вообще, въ томъ числѣ и тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ статейные списки отправляемыхъ въ Крымъ московскихъ посланниковъ; нѣкоторыя изъ нихъ отпечатаны самимъ г-номъ Лашковымъ, а одинъ—именно московскаго гонца подъячаго Василя Артемірова отъ 1692—1695 г. составляетъ собственность профессора Маркевича, обязательно сообщившаго рукопись нашему автору. Я не буду воспроизводить содержанія любопытной главы, посвящаемой вопросу о бейликахъ г-номъ Лашковымъ, такъ какъ, въ виду сжатости ея изложенія, намъ бы пришлось воспроизвести ее чуть не цѣликомъ. Я ограничусь только приведеніемъ общаго вывода. Онъ состоитъ въ признаніи, что владѣніе бейликомъ, вмѣстѣ съ званіемъ бея, переходило къ старшему въ родѣ, который становился, такимъ образомъ, карачи-беемъ, т. е. ближайшимъ совѣтникомъ

¹⁾ Смотри Лашковъ, стр. 109—111.

и помощникомъ хана, въ качествѣ представителя всего бейскаго рода. Правда, суверенитетъ, какимъ пользовался ханъ, требовалъ обращенія къ его инвеститурѣ для утвержденія въ званіи бея, но ханская власть не измѣняла существа самого права наслѣдованія бейликомъ, установленнаго родовымъ обычаемъ и требовавшего перехода званія и имущества къ старшему въ родѣ.

«Подобный порядокъ наслѣдованія, говоритъ г. Лашковъ, опредѣлялъ собою и сущность правъ бея на это родовое имущество. Онъ могъ только пользоваться, но не распоряжаться имъ, такъ какъ собственность бейлика, въ силу обычнаго права, принадлежала всему бейскому роду»¹⁾. Эта неотчуждаемость бейликовъ наглядно выступаетъ и во многихъ изъ тѣхъ старинныхъ судебныхъ дѣлъ, которыми г. Лашковъ обогатилъ свой сборникъ документовъ по крымско-татарскому землевладѣнію²⁾. Весьма удачно также рѣшается г-номъ Лашковымъ вопросъ объ отношеніи поселянъ въ предѣлахъ бейлика къ его владѣльцу. Эти отношенія сводятся къ признанію, во-первыхъ—ихъ личной свободы, а во-вторыхъ—чиншевого характера ихъ владѣнія. Крестьяне, не неся барщины, платятъ бею десятинную подать или *аръ* и несутъ рядъ повинностей, природа которыхъ далеко еще не вполне выяснена. Если мы знаемъ, что одна изъ нихъ—*„савга“*, состояла въ обязанности уступать бею десятую часть ясырей или плѣнныхъ рабовъ, какъ это слѣдуетъ изъ свидѣтельства статейнаго списка Артемірова, то о цѣлыхъ четырехъ, «туманендъ, джераимъ, буральи и колушъ-каганка», г. Лашковъ принужденъ сказать: «за неимѣніемъ свѣдѣній мы ничего опредѣленнаго о нихъ сообщить не можемъ»³⁾. Я считаю нужнымъ отмѣтить эти слова, чтобы показать, что и въ глазахъ самого автора разбираемаго нами изслѣдованія всѣ вопросы крымско-татарскаго землевладѣнія далеко не являются еще вполне рѣшенными, да они и не могутъ быть рѣшены до тѣхъ поръ, пока относящіеся къ нимъ акты не сдѣлаются предметомъ тщательнаго изученія со стороны знакомыхъ столько же съ исторіей, сколько и съ татарскими нарѣчіями, ориенталистовъ. Во всемъ отдѣлѣ, посвященномъ г-номъ Лашковымъ вопросу о бейликахъ, я могу подвергнуть критикѣ только неудачное, на мой взглядъ, выраженіе «феодалное владѣніе возникло подъ вліяніемъ дружиннаго начала путемъ завоеванія»⁴⁾ и т. д. Оно даетъ поводъ думать, что нашъ авторъ еще стоитъ на точкѣ зрѣнія Гизо о дѣйствительномъ источникѣ феодализма и не знакомъ съ побѣдоносной критикой ходячаго когда то ученія о дружинномъ характерѣ древне-германскаго быта. Къ тому же, чѣмъ шире разсматривается вопросъ о происхожденіи феода-

¹⁾ Лашковъ, стр. 74—75.

²⁾ Смори въ особенности судейскія рѣшенія за № 107—110.

³⁾ Смори стран. 79.

⁴⁾ Стран. 70.

лизма, чѣмъ больше привлекаются къ его рѣшенію явленія византійской исторіи и мусульманскаго востока, тѣмъ яснѣе выступаетъ громадная роль, какую игралъ въ его образованіи не грубый фактъ завоеванія и раздачи отобранныхъ у населенія земель сподвижникамъ, а необходимость въ плохо замиренномъ обществѣ обезпечить себѣ покровительство и защиту добровольной уступкой права собственности съ сохраненіемъ одного наслѣдственнаго и обложеннаго повинностями пользованія. Въ этомъ отношеніи столь широко расходящіеся между собою изслѣдователи, какъ Вайцъ и Фюстель-де-Куланжъ, Тишендорфъ, Рамбо и преждевременно погибшій для науки проф. Василевскій, сдѣлали каждый свой вкладъ и опредѣлили, повидимому, окончательно упрочившуюся точку зрѣнія, по которой феодализмъ не считается болѣе особенностью одного германороманскаго міра, но одной изъ переходныхъ ступеней развитія въ исторіи разно-племенныхъ народностей Азіи и Европы.

Къ числу такихъ же открытій, какимъ можно считать опредѣленіе г-номъ Лашковымъ историческаго происхожденія бейликовъ, надо отнести и ту главу его книги, которая говоритъ о кайгалыкѣ¹⁾ или, какъ онъ показываетъ, удѣлъ наслѣдника ханскаго престола, такъ называемаго калги. И на этотъ разъ потребовалось не мало справокъ съ документами, восходящими къ XVII и XVIII столѣтіямъ, чтобы опредѣлить и природу, и мѣстонахожденіе означенныхъ имуществъ, и характеръ юридическихъ отношеній, возникавшихъ между владѣвшимъ калгалыкомъ, какъ государственной собственностью, наслѣдникомъ престола и занимавшими его не только татарами, но и греками христіанами. Г-нъ Лашковъ весьма удачно показываетъ, что отношеніе послѣднихъ къ землѣ было опредѣлено фактомъ надѣленія ихъ ею въ пользованіе въ силу пожалованій, близкихъ по характеру къ средневѣковому бенефицію и извѣстныхъ подъ наименованіемъ «икта-истиглолъ».

Подобныя же пожалованія распространены были на всемъ мусульманскомъ востокѣ, въ частности въ Индіи, гдѣ, какъ указано мною въ сочиненіи «Объ общинномъ землевладѣніи внѣ предѣловъ Европы», такія же надѣленія не собственностью, а фактическимъ пользованіемъ, извѣстны было подъ тѣмъ же именемъ икта. Только что перечисленными формами землевладѣнія далеко не исчерпывается еще рядъ тѣхъ, какія существовали въ Крыму до момента присоединенія его къ русской державѣ. Г-нъ Лашковъ какъ нельзя лучше показываетъ, что, рядомъ съ землевладѣніемъ хана, соединявшимъ въ себѣ и черты личнаго или, вѣрнѣе, семейнаго владѣнія ханской династіи, и черты доманіальной или казенной собственности, съ момента подчиненія полуострова турецкой державѣ, возникло еще землевладѣніе султана всѣмъ южнымъ берегомъ. Султанъ, въ свою очередь, раздавалъ земли, и въ собственность, и въ пользованіе; въ по-

¹⁾ Стран. 167—170, Лашковъ.

слѣднемъ случаѣ на правахъ военныхъ бенефицій, съ цѣлью вознагражденія за службу (это такъ называемый икта-истирфакъ).

Землевладѣніе такимъ образомъ возникавшее, не всегда носило характеръ личный или семейный. Оно могло быть также и общиннымъ, въ особенности въ примѣненіи къ выгонамъ и лѣсамъ; такъ напримѣръ, въ Байдарской долинѣ 12 селеній совмѣстно пользовались правомъ выпаса скота, какъ это выяснено было въ 1802 году комиссіей, назначенной русскимъ правительствомъ для разбора споровъ о землевладѣніи въ Крыму.

Получая отъ султана свои надѣлы, крестьяне держали ихъ, можно сказать, на началахъ чиншеваго права. Они платили, какъ общее правило, десятую часть урожая со всѣхъ произведеній земли или по мѣстному выраженію ушуръ и отбывали въ пользу султана извѣстныя обязательныя работы¹⁾. Подобно тому, какъ султанское землевладѣніе было существеннымъ дополненіемъ къ ханскому, такъ точно землевладѣніе, извѣстное подъ наименованіемъ *хаджалыкъ*, являлось придаткомъ къ вакуфному. Опять таки и въ этомъ вопросѣ г-нъ Лашковъ обогащаетъ насъ и до-селѣ неизвѣстными фактами и освѣщающими ихъ историческими теоріями. Нынѣ въ Крыму, пишетъ онъ, подъ именемъ хаджи извѣстенъ учитель вѣры, состоящій при мектебѣ или первоначальномъ училищѣ. Изъ грамотъ XVIII вѣка оказывается, однако, что эта должность являлась наслѣдственной, переходила изъ рода въ родъ, а вмѣстѣ съ нею и въ томъ же порядкѣ поступали къ хаджѣ и значительныя земельныя имущества, достигавшія, напримѣръ, цифры 16 населенныхъ имѣній, наслѣдуемыхъ не сыномъ отъ отца, а братомъ отъ брата, что сближаетъ хаджалыкъ съ бейликомъ и даетъ поводъ видѣть въ немъ разновидность родового владѣнія. Эта гипотеза является тѣмъ болѣе вѣроятной, что, какъ оказывается изъ историческихъ справокъ, наведенныхъ г-номъ Лашковымъ, хаджа, въ мирное время бывшій народнымъ учителемъ въ вѣрѣ, во время войны выступалъ въ походъ вмѣстѣ со всѣми жителями своего хаджалыка, точь въ точь какъ дѣлали это беи, образовывавшіе отдѣльные отряды изъ жителей своего клана или бейлика. Изъ тѣхъ же источниковъ г. Лашковъ узналъ, что поселяне хаджалыка обязаны были почитать хаджу, какъ своего начальника, а самъ хаджа вѣдать и править народомъ по изстари заведенному обычаю. «Такимъ образомъ, владѣнія хаджей, справедливо замѣчаетъ нашъ авторъ, имѣли нѣкоторый политическій характеръ, и самъ хаджа выступаетъ передъ нами въ болѣе воинственной роли, чѣмъ та, которая возлагается на него въ качествѣ учителя. Этотъ выводъ подтверждается еще косвенно и тѣмъ обстоятельствомъ, что имѣнія, входящія въ составъ хаджалыка, были расположены въ мѣстности, извѣстной подъ наименованіемъ шей-

¹⁾ Смотри стр. 114—119.

хэль отъ двухъ словъ—шейхъ—проповѣдникъ, хэль—народъ. Нельзя ли поэтому считать хаджалыкъ родовымъ владѣніемъ наслѣдственныхъ духовныхъ вождей или проповѣдниковъ?»¹⁾

Показавъ, въ какой широкой мѣрѣ удержались въ крымскомъ землевладѣніи слѣды родовыхъ порядковъ, г. Лашковъ останавливается, затѣмъ, на подробномъ описаніи системы, какъ феодальнаго или леннаго владѣнія, такъ и общинно-сельскаго. Въ обществѣ, перешедшемъ постепенно отъ кочевого быта къ осѣдлому и отъ односторонняго занятія скотоводствомъ къ частичному восполненію его земледѣліемъ, естественнымъ вознагражденіемъ за службу является уже не одна военная добыча и надѣленіе со стороны родового старѣйшины извѣстнымъ числомъ овецъ, какъ это нѣкогда было въ ходу при вознагражденіи кievскими князьями членовъ своей дружины²⁾ и начальниками уэльскихъ клановъ, великовозрастныхъ членовъ своего рода³⁾, а населенными имѣніями или помѣстьями, поступавшими въ отличіе отъ вотчинъ не въ собственность, а въ пользованіе. Забота московскихъ царей и въ частности Ивана Грознаго о томъ, чтобы земля изъ службы не выходила, благодаря раздачѣ ея въ руки церквей и духовныхъ корпорацій, на разстояніи столѣтій воспроизводитъ передъ нами тѣ самыя заботы, которыя заставляли англосаксонскаго лѣтописца Беда открыто сожалѣть о томъ, что размноженіе монастырей не оставляетъ въ рукахъ правителей достаточнаго земельного фонда для надѣленія помѣстьями своихъ тановъ, т. е. членовъ такого же служилаго сословія, какимъ на первыхъ порахъ было русское дворянство. Мѣры, принятыя Карломъ Мартеломъ къ повороту церковныхъ имѣній въ свѣтскія руки путемъ передачи церковныхъ бенефицій во владѣніе, если не въ собственность, своихъ сподвижниковъ, вызваны были къ жизни опять таки нуждою въ землѣ и представленіемъ о томъ, что ея, а не чѣмъ другимъ, должна вознаграждаться государева служба. На всемъ мусульманскомъ востоцѣ тѣми же соображеніями обусловлено было существованіе такъ называемыхъ икта и положено начало особенному сословію помѣстныхъ владѣльцевъ или иктадаровъ. Сословіе это было и многочисленно, и могущественно въ Индіи во все время существованія Великой Имперіи Могола, т. е. вплоть до англійскаго владычества. Въ Крыму тѣ же пожалованія недвижимыми имуществами сдѣлались источникомъ до-нынѣ удержавшагося мурзинскаго землевладѣнія. Г. Лашковъ какъ нельзя лучше объясняетъ его происхожденіе, говоря, что ханы нуждались для противовѣса родовой аристократіи въ особомъ служиломъ сословіи. Такое сословіе явилось въ лицѣ кату-халка и разныхъ другихъ

¹⁾ Смори стран. 80—82.

²⁾ Смори Градовскаго, „Уѣздъ московскаго государства“, I глава, и Загоскина, „Исторія служилаго сословія“, I глава.

³⁾ Смори Seebohm. „The trybal system in Wales“.

чиновниковъ, начиная высшими—агами и кончая низшими—челеби; для содержанія же этого сословія не оказалось другихъ средствъ, кромѣ раздачи участковъ государственныхъ земель или надѣленіе заинтересованныхъ лицъ одной лишь частью дохода, поступавшаго изъ казенныхъ имѣній. Первый способъ вознагражденія былъ наиболѣе распространенъ, второй—обыкновенно не выходилъ изъ сферы распоряженія соляными озерами. Г. Лашковъ показываетъ намъ, какъ помѣстья перешли въ Крыму, какъ и въ Россіи, въ вотчины. Весьма рано уже встрѣчается смѣшеніе тѣхъ и другихъ, благодаря чему участки мурзинскихъ земель стали переходить по наслѣдству или въ силу даренія. Авторъ указываетъ далѣе на существованіе въ предѣлахъ мурзинскихъ земель мелкой собственности, вызванной корчеваніемъ пустопорожныхъ участковъ. Она была, повидимому, распространена въ горной части Крыма. Рядомъ съ нею извѣстны были зависимыя владѣнія крестьянъ въ границахъ мурзинскихъ земель на началахъ, отвѣчающихъ порядкамъ чиншевого права, т. е. подъ условіемъ уплаты десятой части продуктовъ и несенія общественныхъ помочей въ размѣрѣ самое больше 8 или 10 дней въ году. Эта, такъ называемая, талока, очевидно, не была барщиной и не обуславливала собою крѣпостного состоянія лицъ, ея отправлявшихъ. На мурзинскихъ земляхъ могли поэтому возникнуть такія же сельскія общины, какія, подъ именемъ джемаатовъ, встрѣчаются на протяженіи всего мусульманскаго міра, начиная отъ Алжира и Кабилии¹⁾ и оканчивая Индіей²⁾. Гораздо ранѣе появленія разбираемаго нами сочиненія, г-нъ Лашковъ уже изложилъ результаты своихъ изслѣдованій по вопросу о сельской общинѣ въ Крыму въ особой монографіи, которая между прочимъ легла въ основу и историко-юридическаго очерка «Крымско-татарскаго землевладѣнія», составленнаго въ 1888 году г-номъ Блюменфельдомъ. Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи г. Лашковъ только резюмируетъ содержаніе своей прежней работы, не дополняя ее новыми данными. Я долженъ сознаться, что эта сторона сочиненія удовлетворяетъ меня въ меньшей степени, чѣмъ другія; въ ней не вполне выпукло выступаютъ характерныя особенности общиннаго землевладѣнія въ Крыму. Мы не можемъ сказать, имѣемъ ли дѣло съ міромъ, производящимъ, подобно нашему великорусскому, періодическіе передѣлы, или съ общиной,—въ которой не только усадебная земля, но и пахатная, находится уже въ частномъ обладаніи отдѣльныхъ дворовъ и нераздѣльному пользованію подлежатъ только угодья. Мнѣ кажется болѣе правдоподобнымъ, что сельская община въ Крыму не была ни тѣмъ, ни другимъ. Я нигдѣ не встрѣтилъ въ источ-

¹⁾ Смори „О джемаатахъ Алжира и Кабилии“, извѣстное сочиненіе Honoteau et Letourneux. La Cabylie et les Coutumes cabyles.

²⁾ Объ этомъ смори мое „Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія“, 1879 годъ, глава, посвященная Индіи.

никахъ и въ томъ изложеніи, какое даетъ имъ г-нъ Лашковъ, прямого упоминанія о производствѣ передѣловъ, но, съ другой стороны, тѣ же источники не даютъ никакого права ограничить сферу нераздѣльнаго пользованія однимъ выгономъ и лѣсомъ. Кромѣ того, нѣкоторыя черты, напр. существованіе круговой отвѣтственности въ случаѣ убійства въ предѣлахъ сельской округи, убійства, доказываемаго нахожденіемъ трупа на землѣ общины, какъ и существованіе права не только сосѣдскаго, но и родового выкупа, извѣстнаго подъ названіемъ шафа, наводятъ на мысль, что сельская община въ Крыму была въ источникъ своего родового происхожденія и даже не вполне еще отрѣшилась отъ присущихъ роду особенностей. Въ такихъ условіяхъ нѣтъ необходимости предполагать полного равенства надѣловъ, хотя кое-гдѣ произведены были, какъ видно изъ актовъ¹⁾, уже въ XVII вѣкѣ разверстки, причемъ, однако, нѣкоторые надѣлы оказались въ два раза большими противъ остальныхъ, точъ въ точъ, какъ въ средне-вѣковой общинѣ наравнѣ съ владѣльцами одного надѣла, Hufe, Mansus или Virgata, можно было встрѣтить владѣльцевъ половины ея и даже четверти. Я объясняю себѣ происхожденіе этихъ неполныхъ надѣловъ постепеннымъ разложеніемъ одного или нѣсколькихъ дворовъ, принадлежащихъ къ одному и тому же роду. Этотъ фактъ вызывалъ переходъ къ такъ называемому долевному владѣнію, при которомъ раздѣлявшимся семьямъ предоставлялось болѣе или менѣе равное число дѣлянокъ въ ихъ нѣкогда общемъ владѣніи. Не удивительно, если при этомъ было въ ходу и отрѣзываніе этихъ дѣлянокъ однообразной мѣрой длины, а, именно, арканомъ въ 12 сажень. Крымская поземельная коммиссія 1808 года, по словамъ г-на Лашкова, пришла на основаніи показаній, сдѣланныхъ ей депутатами магометанами, къ тому заключенію, что пай или участокъ отрѣзывается арканомъ въ 12 сажень. Кто имѣетъ одинъ пай тому полагается одинъ арканъ. Общая округа дѣлилась только въ ширину, чѣмъ и объясняется возможность нѣкотораго неравенства между паями, такъ какъ длина опредѣлялась границею самой округи. Нѣтъ также ничего удивительнаго въ томъ, если самый порядокъ производства раздѣла говоритъ намъ скорѣе, какъ замѣчаетъ г-нъ Лашковъ²⁾, о разверсткѣ имуществъ, бывшихъ до-толѣ общимъ владѣніемъ, чѣмъ о мірской разверсткѣ. Разъ мы имѣемъ передъ собою распадающіяся на отдѣльные дворы одну или нѣсколько семейныхъ общинъ, очевидно, не можетъ идти и рѣчи о чемъ либо другомъ, какъ о разверсткѣ общаго владѣнія, но послѣдствіемъ ея и будетъ переходъ къ тѣмъ порядкамъ долевой общины, которыя мы можемъ наблюдать на нашемъ сѣверѣ,

¹⁾ Смотри худжетъ подъ № 78, въ сборникѣ актовъ, приложенномъ г-номъ Лашковымъ къ его сочиненію.

²⁾ Смотри Лашковъ стр. 98.

въ частности въ Архангельской губ. въ XVIII вѣкѣ и началѣ XIX-го и которая нѣкогда, какъ я старался показать въ моемъ «Экономическомъ ростѣ Европы», была извѣстна и германскимъ народностямъ. При господствѣ свойственнаго мусульманскому праву взгляда на траву, какъ на предметъ свободного присвоенія, и при обширности подлежащихъ покосу земель, неудивительно, если въ крымской общинѣ въ примѣненіи къ сѣнокосамъ, держался тотъ самый захватный способъ пользования, который извѣстенъ былъ нѣкогда и казачеству и всего долѣе удержался, какъ въ землѣ Войска Донского, такъ и на всемъ протяженіи Сибири. Г-нъ Лашковъ изображаетъ его намъ въ слѣдующемъ видѣ, на основаніи многочисленныхъ переживаній старыхъ порядковъ въ нѣкоторыхъ сельскихъ общинахъ Крыма, описанныхъ земскими статистиками; сѣнокосъ не распредѣляется между дворами, а каждый коситъ тамъ, гдѣ хочетъ, и сколько можетъ¹⁾. Что касается до пастбища, то фактъ существованія своднаго стада, въ которое каждый могъ посылать имѣвшееся у него число животныхъ, устраняетъ мысль о производствѣ какого либо подворнаго раздѣла и предполагаетъ существованіе мірскаго выгона. Наконецъ, лѣсъ, какъ видно изъ приводимыхъ г-номъ Лашковымъ примѣровъ, состоялъ обыкновенно въ совмѣстномъ пользованіи не одной, а нѣсколькихъ общинъ или джемаатовъ, чему можно найти аналогичные примѣры и на западѣ Европы въ эпоху, предшествующую многочисленнымъ корчеваніямъ XV, XVI и слѣдующихъ столѣтій, которыя постепенно сократили область древеснаго насажденія. Уже изъ сказаннаго видно, что, будучи родовой по своему источнику, сельская община въ Крыму испытала на себѣ вліяніе мусульманскаго права. Въ памятникахъ послѣдняго, въ частности въ Гадаѣ, слѣдуетъ искать, поэтому, объясненія нѣкоторыхъ ея чертъ. Такъ, по всей вѣроятности, тѣ отношенія, какія возникаютъ и возникали въ Крыму между владѣльцами скота и пастухами, въ значительной степени регулируемы были тѣми же или близкими къ нимъ договорами, которыя Гадаѣ извѣстны подъ именемъ «мазарипатъ» или договоровъ товарищества, товарищества въ доходахъ, доставляемыхъ съ одной стороны скотомъ, а съ другой уходомъ за нимъ. Одинъ или нѣсколько дворовъ участвуютъ въ составленіи общаго стада, другой или другіе подъ именемъ мозариба, или управителей, берутъ на себя завѣдываніе этимъ стадомъ. Договоръ подобнаго рода считается недѣйствительнымъ, если за обѣими сторонами не будетъ признано права участія въ получаемой совмѣстно выгодѣ²⁾. Въ мусульманскихъ обществахъ Кавказа я встрѣтился съ существованіемъ такой же практики. Раздѣлъ прибыли между владѣльцами скота и общимъ пастухомъ нерѣдко принимаетъ въ нихъ слѣдующую форму: пастухъ вознаграждается молочными продуктами, въ томъ числѣ

¹⁾ Смотри стран. 396.

²⁾ Hedaya, книга 27, т. III.

сыромъ, весь же приплодъ или большая часть его поступаетъ въ пользу владѣльцевъ скота.

Я полагаю также, что г. Лашковъ нашелъ бы въ постановленіяхъ Гедая о такъ называемой мозареа или договорахъ о совмѣстной обработкѣ прямое объясненіе отмѣчаемаго имъ любопытнаго обычая, состоящаго въ томъ, что въ нѣкоторыхъ общинахъ Крыма и въ настоящее время земледѣльческія работы производятся цѣлой артелью. Такая артель состоитъ, по его описанію, обыкновенно изъ 3 или 4 семействъ; у нихъ вся работа отъ начала до конца—общая, а прибыль дѣлится поровну сообразно числу людей и рабочаго скота¹⁾. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этими порядками Гедая предвидитъ случай, когда 2 или нѣсколько дворовъ войдутъ въ сдѣлку, при которой одна изъ сторонъ ставитъ землю, а другая—сѣмена для посѣва, рабочій скотъ и трудъ. Сдѣлки подобнаго рода возможны еще и при другой комбинаціи. Такъ одна сторона, сверхъ земли, ставитъ и сѣмена, а другая—остальное и т. д. Доходъ считается совмѣстною собственностью сторонъ и при томъ каждый получаетъ выговоренную напередъ часть выручки, кто половину, кто треть и т. д. Договоръ имѣетъ силу только для лицъ, его заключившихъ, а не для наследниковъ²⁾. Нечего прибавлять, что и вся практика родовыхъ и сосѣдскихъ выкуповъ имѣетъ своимъ источникомъ постановленія мусульманскихъ же сводовъ о такъ называемомъ шефа. О немъ заходитъ рѣчь у всѣхъ законоучителей, къ какой бы школѣ они ни принадлежали; она извѣстна малекитскому и шафайтскому праву въ такой же мѣрѣ, какъ и ханефитскому. Вотъ почему шефа въ полномъ дѣйствіи какъ въ Алжирѣ, такъ и на Кавказѣ. Въ Гедая, сборникъ ханефитскаго права, примѣняемаго, какъ указано нами выше, въ Крыму, также заходитъ рѣчь о шефа, при чемъ наглядно выступаетъ стремленіе перенести его съ родственниковъ, участниковъ въ общемъ имуществѣ, на простыхъ сосѣдей. Очень любопытны въ этомъ отношеніи слѣдующія заявленія приводимаго нами источника. «Законоучитель Шафай думаетъ, что сосѣдъ, какъ таковой, не имѣетъ еще права предпочтительной покупки, ибо пророкъ сказалъ, что это право касается предметовъ, состоящихъ въ общемъ обладаніи и не подвергшихся раздѣлу. Мы же, т. е. послѣдователи ханефитскаго права, думаемъ, что этого предписанія пророка вполне достаточно для признанія и за сосѣдомъ права предпочтительной покупки; разумѣется, преимущество должно быть оказано тому, кто является совладѣльцемъ». Но такъ какъ пророкъ сказалъ, что и сосѣд имѣетъ преимущество надъ чужеземцемъ, раздѣло идетъ объ отчужденіи прилегающихъ къ нему земель, то авторъ Гедая высказывается въ пользу и сосѣдскаго выкупа; при этомъ право сосѣдей и право родственниковъ совладѣльцевъ примиряются въ его глазахъ при

¹⁾ Пр. стр. 105—106.

²⁾ Hedaya, т. IV, книга 40-ая, стр. 44—45.

слѣдующемъ условіи: совладѣлецъ имѣетъ преимущество въ осуществленіи «шефа» надъ тѣмъ, кто, подобно члену сельской общины, или джемаата, участвуетъ только въ совладѣніи угодьями, а совладѣлецъ въ угодьяхъ, въ свою очередь, имѣетъ большее право, чѣмъ тотъ, кто, на «правахъ частнаго собственника-поселенца», является только сосѣдомъ отчуждаемаго участка¹⁾. Эти тексты любопытны тѣмъ, что бросаютъ свѣтъ на самое происхожденіе права предпочтительной покупки. Оно, очевидно, вытекло изъ родового характера древнѣйшихъ поселеній, изъ совладѣнія осѣвшихъ въ нихъ дворовъ. Когда раздѣлы и пріемъ колонистовъ со стороны на правахъ—то участниковъ въ пользованіи общинными угодьями, то простыхъ поселенцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые дѣлались частными собственниками, повели постепенно къ замѣнѣ родовой общины сосѣдской, на сосѣдей распространены были права, которыми пользовались одни родственники совладѣльцы. Я полагаю, что изъ сказаннаго легко вывести то заключеніе, что г-нъ Лашковъ напрасно не познакомился ближе съ памятниками мусульманскаго законодательства, такъ какъ они не разъ дали бы ему ключъ къ толкованію тѣхъ или другихъ особенностей крымскаго землевладѣнія и землепользованія. Послѣднія далеко не сложились подъ вліяніемъ одного обычая, но носятъ на себѣ и печать воздѣйствія писаннаго права магометанъ—шеріата.

Послѣднюю и меньшую часть своего сочиненія г-нъ Лашковъ посвящаетъ изложенію судебъ крымскаго землевладѣнія съ момента присоединенія полуострова къ Россіи. Онъ очень обстоятельно слѣдитъ за дѣятельностью отдѣльныхъ администраторовъ и цѣлыхъ комиссій, которымъ поручено было разсмотрѣніе сложныхъ вопросовъ крымскаго землевладѣнія и рѣшеніе третейскимъ порядкомъ споровъ, возникавшихъ между вновь прибывшими изъ Россіи собственниками и меньшинствомъ не эмигрировавшихъ въ Турцію татаръ. Все сообщаемое имъ опирается на тщательно собранныхъ и изученныхъ документахъ, большая часть которыхъ приложена къ его книгѣ. Г-нъ Лашковъ не скрываетъ ошибокъ, сдѣланныхъ на первыхъ порахъ русскими властями, а также несовершеннаго рѣшенія и въ настоящее время нашимъ законодательствомъ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, какіе подымаетъ фактъ нерѣдкаго признанія пустопорожними землями участковъ, на самомъ дѣлѣ не бывшихъ таковыми, и оброчными крестьянами тѣхъ или другихъ татаръ, въ дѣйствительности владѣвшихъ землею какъ собственностью на старозаимочномъ началѣ. Мы не послѣдуемъ за авторомъ въ передачѣ этихъ болѣе чѣмъ сто лѣтъ продолжающихся и до-селѣ неувычаныхъ успѣхомъ попытокъ исправить старыя ошибки и урегулировать окончательно отношеніе мѣстнаго населенія къ землѣ. Укажемъ только на тотъ фактъ, что неудачностью первоначально принятыхъ мѣръ объясняется созданіе въ Крыму неизвѣстнаго ему до

¹⁾ Hedaya, т. III, кн. 38, стр. 562 и слѣд.

завоеванія сѣльскаго пролетаріата въ средѣ татаръ и необходимость, въ какой находится правительство считается съ фактомъ, что изъ 145 тыс. душъ, общей цифры татарскаго населенія, до 29 тысячъ зачислены въ безземельныя. Очевидно, приходится такъ или иначе озаботиться ихъ судьбою, устроивъ ихъ на правахъ государственныхъ крестьянъ на казенныхъ земляхъ, а за недостаткомъ таковыхъ, пріискать новыя средства къ надѣленію ихъ недвижимою собственностью. Многіе русскіе писатели рекомендуютъ производство съ этою цѣлью новой секуляризаціи, предметомъ которой сдѣлались бы вакуфныя земли. Такого мнѣнія держится, напримѣръ, авторъ анонимной статьи объ «обеспеченіи быта безземельныхъ татаръ въ Крыму», а также г-нъ Блюменфельдъ. Я лично не раздѣляю того взгляда, что въ странѣ, въ которой, какъ Россія, имѣется государственная церковь, правительству легко выступить въ роли учреждения, обеспечивающаго нехристіанскимъ культамъ ежегодный доходъ для покрытія связанныхъ съ ними издержекъ, а, очевидно, секуляризація могла бы произойти только подъ условіемъ принятія имъ такого обязательства. Едва ли также поступленіе вакуфовъ въ казну встрѣчено будетъ сочувственно массою магометанскаго населенія, какъ въ самомъ Крыму, такъ и на Кавказѣ. Я склоненъ даже думать, что оно вызвало бы усиленіе недовольства въ его средѣ, недовольства, которое могло бы сказаться нарушеніемъ общественнаго порядка.

По всѣмъ этимъ причинамъ я радикально расхожусь во взглядахъ на средства къ обеспеченію татаръ землею, которыя высказаны упомянутыми мною авторами и повидимому пользуются сочувствіемъ и со стороны г-на Лашкова¹⁾.

Во всемъ этомъ нерѣдко доходившемъ до мелочей разборѣ «Историческаго очерка крымско-татарскаго землевладѣнія», я не скрываю моихъ несогласій съ авторомъ и, критикуя нѣкоторыя его воззрѣнія, я придираюсь даже къ тѣмъ или другимъ выраженіямъ, избраннымъ имъ для передачи его мысли. Заканчивая въ настоящее время мою статью, я съ тѣмъ большимъ правомъ могу сказать, что сочиненіе г-на Лашкова по новизнѣ затронутой имъ темы, обширности привлеченнаго къ изслѣдованію и неизданнаго матеріала, прочности и богатству основныхъ выводовъ, несомнѣнно должно занять выдающееся мѣсто въ нашей юридико-экономической литературѣ. Я поставлю автору въ особую заслугу выясненіе имъ цѣлага ряда до него неизвѣстныхъ сторонъ крымскаго землевладѣнія и прежде всего родового характера такъ называемыхъ бейликовъ и существованія, рядомъ съ ними, въ Крыму, какъ помѣстнаго землевладѣнія, такъ и старозаимочнаго, какъ общинной собственности джемаата, такъ и частной или такъ называемой «mulk». Согласно § 4 положеній о преміяхъ, учреждаемыхъ въ память 25-лѣтія царствованія Александра II

¹⁾ Смотри стр. 202—203.

при Харьковскомъ Университетѣ, представленныя на конкурсъ монографіи могутъ имѣть своимъ содержаніемъ и изслѣдованіе одной изъ важнѣйшихъ сторонъ народнаго хозяйства, въ предѣлахъ, между прочимъ, Таврической губерніи. Самое это изслѣдованіе, какъ значится въ томъ же параграфѣ, можетъ имѣть предметомъ какъ современное положеніе дѣла, такъ и историческое развитіе экономической дѣятельности въ данной мѣстности.

Я полагаю, что сочиненіе г-на Лашкова вполне отвѣчаетъ такому требованію, какъ отвѣчали ему уже удостоившіяся преміи монографіи г-на Миллера «По исторіи и юридическому быту Старой Малороссіи». Въ самомъ дѣлѣ сочиненіе г-на Лашкова затрогиваетъ, можно сказать съ увѣренностью, важнѣйшіе вопросы крымской экономической жизни и даетъ средство не только къ теоретическому выясненію, но и къ удачному рѣшенію его на практикѣ. Оно, съ другой стороны, вполне отвѣчаетъ требованію § 5 того же положенія о преміи, чтобы данныя и выводы, приводимые авторомъ, составляли плодъ его непосредственнаго и самостоятельнаго труда. Вѣдь никому, какъ нашему автору, пришла мысль собрать воедино то, что, за истребленіемъ Бахчисарайскаго архива пожаромъ, еще уцѣлѣло изъ первоисточниковъ по вопросу о крымско-татарскомъ землевладѣніи. Имъ созданъ этимъ путемъ доступный массѣ русскихъ читателей сборникъ неизданныхъ и мало кому извѣстныхъ актовъ, сборникъ, съ которымъ несомнѣнно должны будутъ считаться въ равной мѣрѣ администраторы, судьи и будущіе законодатели. Руководящей нитью для пониманія этого пестраго и на первый взглядъ противорѣчиваго матеріала послужатъ выводы, сдѣланные на основаніи его самимъ г-номъ Лашковымъ и изложенные имъ въ его историко-юридическомъ очеркѣ. Считаю, такимъ образомъ разбираемое сочиненіе не только вполне оригинальнымъ, но и дающимъ цѣнные и прочные результаты, я подаю мой голосъ въ пользу присужденія его автору вполне заслуженной имъ преміи.

Максимъ Ковалевскій.

Парижъ 1900 г. Октябрь.

